

НАДЕЖДА и НИКОЛАЙ

КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

ЦЕНТРОЛИГРОФ

ЗОРИНЫ

СЕСТРА МОЯ —
СМЕРТЬ

Надежда Зорина
Николай Зорин
Сестра моя – смерть

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=590165

Сестра моя – смерть: роман: Центрполиграф; Москва; 2008

ISBN 978-5-9524-3829-3

Аннотация

Алена Озерская возвращалась домой в полной уверенности, что ее ожидает только одиночество, – смерть матери и расставание с мужем разрушили ее прежний мир. Неожиданная находка насторожила Алену: в квартире кто-то побывал и оставил в сумочке ее паспорт с чужой фотографией. Именно с этим странным документом в жизнь Алены проник настоящий ужас. Неприятности посыпались как из рога изобилия. На глазах у нее произошло самоубийство, следы которого вели в прошлое. Ей не оставалось ничего иного, как начать собственное расследование...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Надежда Зорина, Николай Зорин Сестра моя – смерть *Роман*

Часть первая

Глава 1 Я

Цветы меня не испугали. Да и что в моем возрасте могло бы испугать? Разве что одиночество. Но его-то я как раз не боюсь – принимаю как должное.

Огромные белые гвоздики. Точно такой же букет я купила перед отъездом маме. Шесть штук – четное число, как и полагается дарить мертвым.

Цветов в вазе пять. Но все равно это те самые цветы, мамины цветы – я могу поклясться!

Цветы с кладбища вернулись ко мне в дом, свежие, будто только что купленные, а ведь прошло две недели. Но я не испугалась, я стала подыскивать реальное объяснение: кто-

то хочет меня напугать. Розыгрыш, жестокая шутка.

Никто не может меня напугать, никому это не нужно – я одинокая заброшенная старуха, в двадцать лет скоропостижно состарившаяся, ни у кого нет ключа от моей квартиры: мама умерла, отец со мной разошелся, с мужем я разошлась сама, друзья остались далеко в молодости, у меня больше нет с ними общих интересов. Да у меня вообще нет больше никаких интересов! Учиться? В моем старческом возрасте слишком поздно. Работать в фирме мужа? Но я ведь с ним разошлась, и потом – мне давно пора на пенсию.

Старая, старая, даже бояться мне больше нечего. Каждый раз, когда я случайно наталкиваюсь на зеркало, очень удивляюсь, что кожа у меня молодая и упругая и нет старческих мешков под глазами. В зеркале мне все еще двадцать. Обман зрения, не больше. Или зеркало врет. Разве можно в двадцать лет так состариться?

Несоответствие отражения в зеркале и истинного положения вещей скоро пройдет – лет через пятьдесят или того меньше. Я буду лежать в нечистой постели, в нечистом белье (фланелевая рубаша под старческое горло) в нечистой комнате, пропахшей лекарствами, и дожидаться смерти в полном одиночестве – бездетная, безмужняя, бесхозная старуха.

И все же цветы. Как могли они здесь появиться? Белые, пышные гвоздики. Мне, старухе, они не к лицу. Впрочем, старухам любые цветы не к лицу. Разве что мертвым старухам.

Кто мог принести их сюда и поставить в вазу? Хорошо, я допускаю, что цветы не с кладбища, что это другой букет, хотя и в точности такой же, но кто мог это сделать и зачем? И главное, как? Ведь ключей, по причине моего одиночества, ни у кого, кроме меня, нет. Проверить запасную связку? Обязательно, но потом, позже.

Вру я все! Я не совсем одинокая, хоть и старуха. У меня все еще есть муж, я с ним только разошлась, но не развелась, и это дает ему право обо мне заботиться. Валерий почему-то все еще надеется вернуть меня в лоно семьи: регулярно звонит, приезжает два раза в месяц выдать мне деньги на жизнь – слишком много, старухе столько не истратить, нужды старухины невелики, – просит, умоляет, требует обращаться, «если что», за помощью. А две недели назад привез путевку в дом отдыха: Аленушка, тебе необходимо сменить обстановку. Я послушно поехала – не было ни сил, ни желания спорить. Но никакой особой обстановки не оказалось: жилой корпус, столовая, дорожки с проплешинами подтаявшего снега. По этим дорожкам я послушно ходила от корпуса в столовую и обратно почти две недели. А сегодня вдруг взбунтовалась против дорожек, села в автобус и приехала домой. На день раньше срока. Чтобы натолкнуться на кладбищенский букет у себя в квартире.

Букет. Свежие пышные гвоздики, и вода в вазе совсем свежая, даже пузырьки не пропали – воду, значит, налили недавно, может быть, какой-нибудь час назад. Я должна ис-

пугаться букета.

Наверное, я бы испугалась, если бы не была столь безнадежно старой. Я старая и мудрая, как черепаха Тортилла. Жизнь прожита, все, что могло со мной случиться, уже случилось. И в конце концов, что такое букет, даже и любой букет, при любых обстоятельствах? Букет – это просто красивая вещь. Не важно, как и зачем он здесь появился. Выбросить из головы и пойти в ванную, я очень замерзла в дороге: откуда-то снизу дуло, а на мне были легкие кроссовки и тонкие носки. Пенная горячая ванна – это как раз то, что мне сейчас надо. Согреться – и как знать, может, букет сам по себе исчезнет или перестанет требовать объяснений. Или объяснения найдутся без моих усилий.

Я прошла в ванную, пустила воду. Открыла шкаф, чтобы достать халат и полотенце, и вдруг поняла, что и старики могут пугаться. Нет, не поняла, просто испугалась. Я прекрасно помню, что перед отъездом и халат и полотенце, которыми до этого пользовалась, бросила в стирку, в шкафу оставались только синее полотенце и желтый махровый халат. Теперь их там не было, они висели на вешалке у ванны. И что самое необъяснимое – полотенце было влажное, словно им вытерлись не больше часа назад.

Одиннадцать часов утра. Кто-то, кто живет в моей квартире, встал в половине десятого, принял душ и ушел по своим делам. Нет, не так: принял душ, вышел купить цветы в переходе (все-таки буду думать, что купил в переходе, а не

привез с кладбища) и только затем отправился по своим делам.

Кто живет в моей квартире?

Этим «кто» не может быть никто. Кроме меня. Но я не жила здесь почти две недели – без одного дня.

Я вывалилась из ванной, вода лилась бурным потоком – надо бы закрыть кран. Я закрою, но не сейчас, потом, и связку ключей проверю потом, потом. Все это надо как-то осмыслить.

Вон в прихожей у стенки стоит мой чемодан – я с ним приехала из дома отдыха, где дорожки, корпус и столовая. На кроссовках немного грязи – она еще не просохла.

О, черт, как и полотенце в ванной! Надо бы все-таки воду закрыть.

Значит, в моей квартире живу не я, значит, должно найтись обыкновенное объяснение, может, не очень простое, но вполне обыкновенное. Не страшное объяснение.

Выключить воду, сварить себе кофе, покурить и отыскать это объяснение. А если сама отыскать не смогу, позвоню Валерию, предоставлю ему возможность помочь – он так давно об этом мечтал.

А не он ли все и подстроил, чтобы я, наконец, обратилась к нему?

Нет, не он – у него нет ключей, и потом, он не знает, что я приеду сегодня. Об этом вообще никто не знает, я и сама до вчерашнего вечера не думала, что возьму и приеду, не

дожив один день до окончания путевки. Получается, цветы и полотенце – не для того, чтобы меня напугать. Для чего же?

Кофе мне варить расхотелось, как только я пришла на кухню – на столе стояла чашка с недопитым чаем. И чайник был еще теплый. А на спинке стула висело мое домашнее платье.

Следы чужого присутствия, вероятно, можно обнаружить по всей квартире. Наверное, и на балконе отыщется что-нибудь эдакое.

Но самое ужасное заключается в том, что это не следы чужого присутствия, это следы моего присутствия.

Мне стало так страшно, что я совершенно забыла: древним одиноким Тортиллам бояться нечего. Меня просто затрясло от страха.

Меня затрясло еще больше, когда я обнаружила, что телефон стоит на тумбочке у кровати – никогда он там не стоял! Или, вернее, стоял – всегда именно на тумбочке у кровати – в моих представлениях о последнем дне жизни одинокой старухи Алены Озерской. О дне, который наступит через пятьдесят лет. Телефон на тумбочке у кровати, а рядом мутный стакан и чайная ложка со следами лекарства, яркое солнце светит в окно, весенние звуки, мокрые, черные верхушки деревьев – смерть придет ранней весной, в начале апреля. А телефон так и не зазвонит ни в этот день, ни на следующий.

Глупая, чего же я так испугалась? Телефон не на месте – не страшнее, чем цветы на столе. Или влажное полотенце в ванной. Просто кто-то почему-то живет в моей квартире.

Возможно, этот кто-то воспользовался моим отсутствием, и, если бы я приехала завтра, никаких следов не обнаружила бы.

Позвонить Валерию. Позвонить Валерию. Позвонить Валерию! Он не должен отказать в помощи. Во всяком случае, когда он приедет, мне перестанет быть так страшно.

Я взяла с тумбочки телефон, опустила на кровать, прямо на покрывало – настоящий китайский шелк, ему лет сто, не меньше, я никогда не сажусь на покрывало, слишком оно тонкое, легко мнется и к тому же ветхое. Любимое покрывало. Но сейчас мне было все равно. Набрала номер Валерия – мобильный, чтобы избавить себя от объяснений с его секретаршей.

Кажется, моему звонку он совсем не обрадовался – я оторвала его от чего-то более интересного и важного, чем мои страхи. Он даже на меня прикрикнул: «Не глупи, возьми себя в руки!», рассердился, что вернулась из дома отдыха, не дожив положенного срока, но приехать пообещал – часа через два, как получится.

Часа через два. Что мне делать эти два часа? Отыскивать новые следы чужого присутствия в своей квартире? Разбирать чемодан, убеждая себя, что я действительно две недели жила в доме отдыха, что следы в доме – чужие, не мои?

Следы в моей квартире – мои. Ни одной чужой вещи я не нашла, даже цветы в вазе – моей вазе! – те самые, которые лично я купила в переходе, чтобы отвезти их маме на клад-

бище.

Проверить запасные ключи – вот что мне нужно сделать. Если ключи пропали, тогда все просто: нужно звонить в милицию.

Ничего не просто, даже если ключи пропали. Милиция не поможет: цветы, влажное полотенце в ванной, недопитый чай на столе – не преступление с точки зрения органов.

Ключи оказались на месте. Но это тоже ничего не доказывало: возможно, их брали раньше, еще до моего отъезда, и сделали дубликат.

Я не хочу больше быть одинокой старухой! Чемодан разбирать не буду, наоборот – соберу еще один, уложу в него все свои вещи, необходимые для жизни, долгой жизни молодой замужней женщины, и вернусь к Валерию. Надеюсь, он меня примет.

Должен принять, он ведь сам так долго добивался моего возвращения. Никак не мог понять, почему я от него ушла. Сначала принесла себя в жертву ради него, а потом взяла – и ушла.

Я и сама не сразу в этом разобралась. Просто ушла. Со-старилась и ушла. Не ушла, умерла. Сгорела на жертвенном алтаре. Обуглившаяся мертвая старуха в одинокой могиле...

Но больше я не хочу быть старухой – оказывается, это слишком страшно. Лучше уж вернуться к Валерию.

Вернуться. А ведь мы, по существу, и не жили никогда вместе, нормальной семьей. Сначала наш брак держался в

огромной тайне – кроме нас двоих, об этом никто не знал. Отец ни за что не разрешил бы мне выйти замуж за Валерия, человека, который украл у него дело всей его жизни – фактически разорил его фирму. Мы даже не каждый день могли видеться. А потом, когда погибла мама... Это был просто несчастный случай, теперь-то я точно знаю, но тогда... Почему я сразу решила, что это убийство и что организовал его Валера? Неужели думала, что он на такое способен? Думала. И все-таки продолжала любить. И бросилась его спасать – взяла вину на себя. Безумие, самое настоящее безумие, затмение разума.

А потом я состарилась. И умерла. Да нет, просто впала в спячку.

Пора просыпаться! Пора собирать чемоданы. Пора возвращаться в жизнь. Мой сон стал кошмаром. Пора из него выходить.

Я сняла с антресолей большую сумку. Остановилась в прихожей, соображая, что взять из одежды сразу, а что оставить на потом: попросить Валерия, чтобы заехал как-нибудь. Зимняя одежда в ближайшее время мне не понадобится – на дворе апрель. Летняя пока тоже. Соответственно и с обувью. Значит, кожаный бежевый плащ, туфли и сумочку в тон... Слава богу, я начинаю мыслить не как старуха: сумочка в тон – очевидный прогресс. Вот только где она, моя бежевая сумочка? Я перерыла весь шкаф – безрезультатно. Поискала на антресолях, хотя понимала, что там ее никак не может

быть. Заглянула в кладовку...

Сумка отыскалась в комнате – висела на спинке стула возле музыкального центра. Мне снова стало не по себе – не я ее туда повесила, я вообще ею не пользовалась с прошлой весны! Ей место в шкафу, в прихожей, там, где лежат вещи, которые в данный момент не носят. Как же она могла оказаться?...

Точно так же, как и цветы, и недопитый чай.

С отвращением и страхом, словно это вовсе не моя сумка, я сняла ее со спинки стула. Испытывая стыд и неловкость, открыла ее.

Губная помада, пудреница, носовой платок – обычные вещи, нормальные вещи, нестрашные вещи – мои вещи. Смелее, все хорошо, я просто забыла, что перед отъездом... Я хотела взять ее с собой в дом отдыха, но раздумала... Я просто забыла ее на спинке стула с прошлой весны...

В маленьком отделении, которое застегивается на «молнию», я обнаружила паспорт. Меня затрясло: паспорт этот никак не мог быть моим. Потому что мой... Я ведь ездила в дом отдыха! Я помню, я оформляла путевку! Я помню, я помню! Стойка регистрации, а на ней мой паспорт. И сегодня утром, когда выписывалась... Паспорт мой лежит во внутреннем кармане куртки! Это можно проверить хоть сейчас! Я могу пойти в прихожую, снять с вешалки куртку и проверить! А этот паспорт – не мой, не мой, он не может быть моим!

Я открыла страницу паспорта – руки тряслись.

Это не я! Ну я так и думала! Слава богу – не я! Некрасивая смуглая девушка с черной, жесткой на вид копной неухоженных волос – не я. Кто-то живет в моей квартире – чужой человек, чужая девушка – не я. Кто она и почему здесь живет, можно выяснить, но слава богу, не я.

Да, не я, это главное. А кто она, можно выяснить прямо сейчас – паспорт-то вот он!

Озерская Алена Юлиановна... Нет! Не может этого быть! Но черными, четкими буквами прописано: Озерская.

Эта чужая черноволосая девушка, живущая в моей квартире, – Озерская Алена Юлиановна. Я не скоропостижно состарилась, а скоропостижно сошла с ума.

Место и дата рождения тоже совпали.

Совпала прописка. Совпал... Озерская Алена Юлиановна была зарегистрирована с моим мужем!

Я – Озерская Алена Юлиановна, я, а совсем не она, черноволосая, некрасивая, смуглая. Я – Алена...

С паспортом в руке я пошла в прихожую к зеркалу. Включила свет.

Светлые волосы, прямые и длинные – никакой цыганской копны, и кожа совсем не смуглая. Я – это я, а эта девушка на фотографии в паспорте с моими данными – попросту самозванка. Или зеркало опять врет?

Овал лица совпадает, да и форма носа, по большому счету. Я никогда не видела эту некрасивую девушку, но что-то в

ее чертах мне знакомо, словно я знала когда-то другую, похожую на нее, но красивую. Я знала ее, но это не я, не я! Это точно не я!

Та, которую я знала, была старше. Но ведь и я старше, много старше своих двадцати.

Не такие уж и светлые у меня волосы, и глаза не такие уж большие. И кожа... Смуглая или просто загорелая – не очень поймешь, особенно по фотографии в паспорте. И вообще, фотография может быть затемнена. И тогда даже волосы – более темные, более светлые, будут выглядеть одинаково. Но главное – она похожа, на кого-то похожа. Может, и на меня.

Я и она... Или просто я? Только я? И нет никакой другой девушки?

Самой мне не решить, здесь нужен независимый арбитр. Валерий мог бы сказать наверняка. Но Валерий придет часа через два – ему нет дела до моих страхов.

Я села на пуфик у зеркала, паспорт – чужой? свой? – закрыла и положила на колени. Буду ждать, самой мне этой задачи не решить. Сама я черт знает до чего могу додуматься. До того, например, что ни в какой дом отдыха не ездила, а жила эти две недели дома. Или до того, что никаких двух недель не было: я все еще живу в том дне, который миновал две недели назад. Купила маме цветы, чтобы поехать на кладбище, и... Ну да, встала утром в половине десятого, приняла душ, выпила чаю, вышла купить цветы в переходе... Но почему я вернулась домой, почему не купила их по пути

на кладбище? Ведь тогда, в тот день, я именно так и сделала? Вышла из дому, купила в переходе цветы и поехала на кладбище. Я ехала на маршрутке, потому что со дня маминной смерти не вожу больше машину. Я прекрасно помню, как ехала, помню, как ставила цветы в пол-литровую банку, воды набрала в колонке. На кладбище еще было полно снега, липкого и мокрого. Это было двадцать третьего марта. А на следующий день я поехала в дом отдыха с дорожками и корпусом... Не выдумала же я эти дорожки?!

И сегодня помню, вышла из автобуса, долго стояла на остановке, ноги замерзли. И чемодан – вот же он, чемодан, стоит неразобранный. Я набрала целую кучу тряпья, а проходила все две недели в одних джинсах и свитере. Утром, когда тащила чемодан по лестнице, все время об этом думала.

И гвоздик в вазе пять! А я покупала шесть.

Довод о гвоздиках мне показался самым убедительным, не знаю почему. Гвоздики меня успокоили совершенно. Я поднялась и пошла на кухню поставить чайник. Но не дошла. Потому что услышала, как открывают дверь: вставили ключ, щелкнул замок. Я подумала: это Валерий, – забыв, что ключа у него нет. И обрадовалась, что не пришлось ждать два часа.

Но это оказался не Валерий, совсем не Валерий. Дверь открылась, и в квартиру вошла девушка, спокойно, уверенно, как входят в собственный дом. Черные волосы неухоженной копной – та самая девушка. В руке у нее была пластиковая прозрачная коробочка с тортом. Увидев меня, она вздрогнула

и почему-то схватилась за ухо, словно ее ударили, но быстро оправилась.

Я пошла на нее, она пошла мне навстречу, она мне улыбалась, ведьма!

– Кто ты такая?! – Я сжала руку в кулак, я ужасно жалела, что не успела дойти до кухни и взять нож. Впрочем, не знаю, помог ли бы нож. – Что тебе здесь надо, черт возьми?! По какому праву?...

– Я... – Она продолжала улыбаться. – Здравствуй, Алена, – ласково так сказала, что у меня по телу побежали мурашки. И стало еще страшней.

– Кто ты? Кто? Я тебя не знаю и знать не хочу! Откуда ты здесь взялась? – Меня трясло, мне было так жутко: я не очень была уверена, что она, эта девушка, – настоящая, живая.

– Я... – Улыбка ее сделалась растерянной и жалкой. – Я думала, ты обрадуешься. Почему ты на меня кричишь? – Лицо ее жалобно сморщилось – вот-вот расплечется. – Я тебя представляла другой. Он мне говорил, я не верила.

– Кто он? Что говорил?... Почему тебе обо мне кто-то мог...

– Я думала, праздник. Я думала, мы вместе. Я купила торт. Я ему не поверила. – Девушка всхлипнула и замолчала. Стояла, низко опустив голову, и довольно долго молчала.

– Уходи, – несмело начала я – меня смутили ее слезы, – и никогда здесь больше не появляйся.

– Ты на самом деле плохая. – Она с вызовом посмотрела

на меня. – Злая! И некрасивая, некрасивая! Мне казалось, красивая, а ты, оказывается, просто уродина! И никакая не умная. Умная бы поняла. И обрадовалась. Я вот была рада... Это ведь счастье...

– Пошла вон! – Я снова двинулась на нее, сжав кулаки. – Пошла вон! Убирайся!

– Вот что?! Ты меня в самом деле гонишь? Ты не хочешь, чтобы мы были вместе?

– Вместе? Мы вместе? С какой это стати? Господи! Кто ты такая?

Эта дикая ситуация сводила меня с ума, я совершенно не знала, что делать.

– Кто я такая? – Она зло рассмеялась. – Кто я такая?! Я – Алена Озерская. Если хочешь знать, это не ты, а я – Алена Озерская. Ты заняла мое место, ты живешь в моей квартире, носишь мою одежду, тратишь мои деньги. Но я не хотела ничего у тебя отбирать, пусть все так бы и осталось, я только хотела, чтобы вместе. Я целый месяц об этом мечтала, целый месяц мечтала! Я думала...

Что она такое несет?! Бред какой-то. Знать бы еще, чей это бред – ее или мой? Есть она или нет?

– Убирайся!

Я бросилась на нее. Это была жалкая попытка защититься – может быть, защититься от самой себя, от поразившей меня вдруг болезни. Но девушка – к счастью? несчастью? – оказалась реальной, совершенно реальной, и очень сильной.

Она легко вывернулась, обхватила меня свободной рукой (в другой был торт), протащила по прихожей и втолкнула в комнату.

– Что ты делаешь, идиотка? – заорала я на нее, мне стало немного легче, когда я поняла, что она живая. – Я вызову милицию!

Говорить про милицию не следовало – надо было просто скорее бежать к телефону и вызывать, не предупреждая, тогда, может, удалось бы спастись. Но я растерялась. Угроза вызвать милицию ее совершенно взбесила. Она швырнула коробку с тортом на стол рядом с цветами, подбежала ко мне, размахнулась изо всей силы и ударила по лицу – я не удержалась на ногах, упала, стукнулась затылком об угол кровати.

– Ты не способна любить! – закричала она. Более нелепой фразы в данной ситуации и придумать было невозможно. Я попыталась подняться, но она снова меня ударила. – Ты жестокая, избалованная жизнью дрянь! Испугалась, что я займу твое место? Он так и говорил, что ты испугаешься, но я не верила, я думала, ты не такая! Но знай, я не собиралась занимать твое место! Хотя на самом деле это мое место, не твое, а мое. Но все равно я не хотела! Я только хотела любить и чтобы ты меня полюбила. Как сестру полюбила. Все осталось бы как есть. Но ты не способна, ты жестокая и глупая. И совсем некрасивая! Некрасивая! Дрянь паршивая, вот ты кто! Все испортила, все изгадила! Я думала – праздник... Я торт... Я цветы... Я думала – ангел, а ты... Но что же мне

делать? Как мне теперь жить дальше? И он не отступится, а я не хочу того, что он говорит, мне ничего не надо, ни тряпки твои, ни квартира. Мне ведь другое нужно. Ты испортила! Ты все испортила! Любви не получится.

Я так и лежала на полу, не предпринимая новых попыток встать – боялась, что она снова меня ударит. Надежда была только на то, что Валерий приедет пораньше. О том, чтобы позвать на помощь и уж тем более вызвать милицию, не могло быть и речи. Девушка ходила взад-вперед по комнате, яростно размахивала руками и несла полный бред. Она так кричала! Я совершенно не могла понять, что ей от меня нужно. Потом она вдруг остановилась, замолчала и в упор уставилась на меня. И долго так стояла, невыносимо долго смотрела. Я тоже смотрела на нее, не могла оторваться, словно загипнотизированная.

– Ты меня обидела! – неожиданно жалобным голосом проговорила она и села рядом со мной на пол. – Очень обидела! – Она всхлипнула. – Я знаю, что теперь мне придется сделать. Ты пожалеешь, очень пожалеешь, что так меня обидела. То, что ты сделала со мной, хуже чем измена. Я не хочу и... боюсь, но что же мне делать? Жить, как раньше, больше не смогу, ты мне душу надорвала. А то, чего он хочет... Нет, это не по мне! Я лучше вот так!

Она вдруг вскочила на ноги, стянула с кровати покрывало, ухватилась двумя руками за края и с силой рванула – китайский старинный шелк не выдержал варварского натиска,

покрывало разошлось на две половины.

Сумасшедшая! Что она делает? Когда же придет Валерий? Может, попытаться позвать на помощь? Никто не услышит, разгар дня, все на работе. И... черт! Есть она или нет? Слишком уж все бредово!

Она не остановилась, пока не растерзала покрывало на тонкие полосы. Ну и ладно, ну и пусть, может, гнев ее нашел выход, и она сейчас успокоится?

Не тут-то было – безумная девушка разошлась еще больше.

– Праздника не будет! – завизжала она в исступлении. – Не будет праздника! Не будет! Не будет! Будет ужас! Будет кошмар! Смерть! – Голос сорвался, она закашлялась, прижала ладонь к уху, как будто своим криком оглушила саму себя. – С такой тяжестью на душе жить нельзя, – проговорила она хрипло, с ненавистью глядя на меня. – Ты будешь умолять простить, но я не прощу, так и знай! Я тебя не прощу! – Она снова закашлялась. – Вставай! Разлеглась тут! У, уродина! Вставай! Поднимайся!

Я послушно встала, я боялась ее до ужаса. Я себя боялась до ужаса. Она зачем-то выдвинула на середину комнаты кресло и заставила меня в него сесть. Что у нее на уме? А дверь-то осталась незапертой. Если закричать, если кто-нибудь услышит, меня легко можно спасти.

Жуткий удар обрушился на меня сзади – закричать я не успела.

... Вода привела меня в чувство – вода из вазы с кладбищенскими гвоздиками. Она выплеснула ее мне в лицо – я захлебнулась (не возродившееся до конца сознание ошибочно нарисовало картину: глубокое озеро, вода заполняет легкие, отяжелевшее тело тянет ко дну, но вот оно, раздумав тонуть, собирает все силы и выскакивает на поверхность), я рванулась, открыла глаза. Девушка стояла передо мной с опустевшей вазой в одной руке, в другой она держала букет.

– Ты это должна увидеть, – спокойно проговорила она, истерика ее, кажется, кончилась. Соображала я еще плохо, в сознании возникали какие-то смутные образы (например, мне казалось, что рот у меня плотно забит песком со дна озера, в котором я чуть не утонула), но я все равно сумела обрадоваться перемене ее настроения. А еще я поняла, что допустила ошибку: не нужно было разговаривать с ней в таком наступательном тоне, я ведь сразу начала на нее кричать, даже не разобравшись, кто она и что делает в моей квартире. Но сейчас ошибку можно исправить: поговорить с ней нормально, по-человечески, узнать, что ей нужно.

«Как вас зовут?» – так хотела я начать новый, мирный, разговор, но ничего не вышло: ил из озера мешал пошевелить языком и рот не открывался. Ил... Да какой к черту ил! Рот у меня был набит тряпками! И... черт, черт, черт! – руки и ноги привязаны к креслу! И плечи, и тело были привязаны! Обрывками моего китайского покрывала, скрученными в жгут! Шевелить можно было только головой, только

она была свободна. Чтобы биться в отчаянии о спинку кресла дурной своей головой!

Я и забилась. И замычала – не знаю что: проклятия, мольбы, крики о помощи?

Она меня слушать не стала. Чуть-чуть откатила кресло, принесла зачем-то стул, забралась на него и стала делать что-то непонятное с люстрой – хрусталики возмущенно зазвенели.

Что она делает? Что она делает, эта сумасшедшая?

Я изо всех сил пыталась понять, но не понимала. Срывает с потолка люстру? Но зачем, зачем? Вряд ли ей это удастся – люстра повешена на совесть, да и потолок прочный.

Наверное, она это поняла, потому что оставила свои бесплодные попытки и слезла со стула. Скрылась у меня за спиной, ушла в другую, невидимую мне половину комнаты.

Сейчас подкрадется сзади, снова огреет по голове чем-нибудь тяжелым. Чем она меня тогда ударила? У меня в комнате нет никаких тяжелых предметов. Разве что... музыкальный центр, но не им же она меня ударила?

Подкрадываться и бить по голове она меня больше не стала. Она снова зачем-то полезла на стул, в руках у нее была самодельная веревка – все тот же несчастный китайский шелк, скрученный в жгут. Эту веревку девушка стала привязывать к люстре – к самому основанию. Роста ей не хватало, хоть была она совсем не низкая, скорее высокая. Она встала на цыпочки, вытянулась, высоко-высоко задрала голову.

Что-то вдруг вылетело у нее из-под волос и с пластмассовым стуком упало на пол. Я присмотрелась, но не смогла понять, что это – какой-то небольшой белый предмет. Девушка схватилась за ухо, тряхнула головой, оглянулась на меня, нагнулась было, чтобы поднять, но раздумала, вернулась к своей трудной работе. Интересно, зачем она привязывает веревку? Что еще пришло ей в голову? И почему молчит? Лучше бы уж кричала, даже ее истерика не была такой жуткой, как то, что происходит сейчас: молчит и делает нечто совершенно непонятное.

Наконец ей удалось привязать веревку. Повернулась ко мне, усмехнулась жутко, а вернее, оскалилась.

– Думаешь, мне не страшно? – спросила и опять оскалилась, голос ее был севшим, хриплым, а в глазах ужас. Или мне только кажется, что ужас? – Страшно. Но еще страшнее будет тебе.

Замолчала. Постояла немного.

– Пора!

Конец веревки, который свободно свисал с люстры, она превратила в петлю, просунула в нее голову.

– Все! Меня зовут Люба. Я тебя никогда не прощу!

Толкнула ногой стул, он с грохотом отлетел в сторону, тело поехало вниз, руки вскинулись, ноги забились в воздухе в страшной пляске.

Я закрыла глаза, я завывала, голова моя забилась о кресло в такт ее пляшущим ногам. Я начала задыхаться, как зады-

халась она. Я захрипела, как хрипела она. В голове что-то лопнуло. Все, кажется, смерть. Ее зовут Люба. Кто я?

* * *

Страшные звуки стихли, и эхо от них в голове моей стихло – стало легче дышать. Но глаза я открыть боялась. Сидела, дышала, сосредоточилась на вновь появившейся возможности дышать – наслаждалась дыханием, но глаза не открывала. Я выплыла на берег, на сушу, что будет дальше, не знаю. Позже, позже заберусь на дерево и осмотрюсь, обозрю окрестности. Остров, вероятно, необитаем, из всего экипажа в живых, скорее всего, я осталась одна, но пусть я узнаю об этом как можно позже. А пока – дышать, дышать, отдыхать и дышать, копить силы для новых испытаний, для новых открытий – страшных, разумеется.

Я долго так сидела. Так долго, что стало казаться: то, что со мной произошло, произойти не могло, и, значит, не открывать глаза – ошибка. Кошмар существует только у меня в голове. Нужно проснуться, и все закончится. А для того, чтобы проснуться, – нужно открыть глаза. Открыть глаза, откинуть одеяло.

Начать нужно с простого – одеяло.

Пошевелить рукой невозможно – руки привязаны.

Зачем я себя обманываю? Все было на самом деле! Ее зовут Люба. Она повесилась только что на моих глазах. А до

этого жила в моей квартире. Пока я бродила по дорожкам в доме отдыха.

Кто она такая? Зачем жила? Зачем умерла?

Нет и не может быть никакой Любы! Сейчас я открою глаза и увижу, что ее нет.

Повела головой из стороны в сторону для проверки – ворсистая ткань! – по звуку ворсистая ткань – обивка кресла. Приоткрыла глаза – ноги в джинсах: я сижу, значит... Да я уже вижу! Хоть упорно стараюсь не смотреть туда, но вижу, вижу! Верхним зрением вижу. Это длинное, темное – ее зовут Люба. На полу маленький белый предмет – это выпало откуда-то из-под ее волос, из головы ее выпало. Ноги в туфлях, узкие, необыкновенно узкие щиколотки – запястья ног, край юбки, темно-зеленый край...

Хватит! Закрывать глаза и дожидаться прихода Валерия.

Узкие бедра. Тонкая талия. Темно-зеленое кончилось. Выше нельзя! Не надо!

Кожаный черный пояс – граница между юбкой и блузкой, мне нельзя за границу. А лучше вообще закрыть глаза.

Промахнула блузку на спринтерской скорости, задержалась на секунду – на вздох – у края пропасти – и прыжком упала в безумие.

Я не смогу оторваться от ее лица. Я буду смотреть и смотреть. Пока меня кто-нибудь не спасет. Или не падет на меня слепота, как ночь.

Она, наверное, ослепла, прежде чем умереть. Ослепла,

оглохла. Я умираю вместе с ней, но все еще вижу. И слышу: стучат часы. Да, на стене стучат часы, в той половине комнаты, сзади меня. Четко, размеренно стучат. У меня отличное зрение. Я вижу во всех подробностях, даже капельки слюны видны на воротнике ее кремовой блузки, они не успели высохнуть. Я вижу... Хоть бы легкая близорукость! Отвести взгляд невозможно.

Черные волосы неухоженной копной... Голова склонилась к левому плечу. И этот ужасный язык. Я не могу оторваться! Глаза... А если веревка не выдержит тяжести? Ветхое покрывало.

Если веревка не выдержит тяжести, возможно, меня спасут раньше. Будет страшный грохот, у соседей внизу закачается люстра, они захотят узнать, в чем дело, придут и спасут.

Хорошо бы, если бы не выдержала веревка – пока меня еще можно спасти.

Нельзя жить в одиночестве, опасно и страшно, и крайне нездорово: от этого можно сойти с ума. А Валерий сегодня, наверное, уже не придет. Все, на что я могу надеяться... Надеяться мне не на что!

Зачем она повесилась? Зачем жила в моей квартире, а потом взяла и повесилась? Купила цветы, а потом взяла и повесилась. Торт купила, а потом повесилась.

Если бы я могла заслониться от кошмара! Закрывать лицо руками и не видеть, не видеть. Но руки намертво привязаны к креслу. Зажмуриться! Ничего не выходит – глаза намертво

привязаны к мертвому телу. Ее зовут Люба. Она мне сказала перед тем, как повеситься: «Меня зовут Люба». А до этого утверждала, что она – Алена Озерская. Она, а не я. И паспорт, найденный в бежевой сумке, подтверждал, что она – Алена Озерская. Кто тогда я?

Глазам больно. Как если бы я все это время смотрела на огонь. Моргаю, но легче не становится. Закрывать глаза, дать им покой. Не могу закрыть. Страшный синий язык и слюна на воротнике.

Алена она или Люба?

Отвести взгляд. Только отвести, раз не получается совсем не смотреть. Например, уставить его в пол, где лежит странный белый предмет и гвоздики разбросаны. Почему она купила именно эти цветы? Белые гвоздики с искусственным мертвым запахом? Они не предназначены живым, они предназначены мертвым – эти цветы для мертвых. Уж не себе ли она их купила, зная, что повесится? Зачем она повесилась? Может быть, определила свой срок сегодняшним днем? Вернее, не определила, а узнала, что срок ее кончается сегодня? Как в пьесе у Канетти?

Нет, умирать она не собиралась, она собиралась устроить праздник. И торт купила. В честь чего она собиралась устроить праздник? И почему в моей квартире?

О чем она еще говорила? О том, что я заняла ее место. Что за ерунда? Если кто и пытался занять чье-то место, так это она мое. «Я – Алена Озерская». Нет уж, Алена – я.

Темно-зеленая юбка, кремовая блузка, черные волосы, язык... Ее зовут Люба!

Тело мое затекло, в носу что-то распухло, трудно дышать, стук часов набегает волнами: то ударяет молотом, то отходит далеко – почти не слышно. Я помню, как билась в судорогах, я помню, как задыхалась, я помню, как умерла – в голове что-то лопнуло. Кто же тогда из нас Люба?

* * *

Звонок. Звонок в дверь. Наконец-то! Валера, милый, он пришел, он меня спасет!

Снова звонок – и тишина. Неужели ушел? Неужели не догадался толкнуть дверь – она не закрыта? Или догадался, вошел, сейчас будет в комнате?

Я напрягла слух до предела – ничего, тишина. Нет, вроде что-то... Шорох какой-то. Или мне только кажется? Мешают слышать часы. Вскрик? Да, я явственно слышала вскрик. И кажется, половица скрипнула. Но где же он? Почему не торопится меня освободить?

Хлопнула дверь. Неужели ушел? Нет, этого просто не может быть! Или это не он, кто-нибудь из соседей? Не захотели связываться... Что же мне теперь делать?

Что мне делать, если это Валерий ушел? Если это Валерий не захотел связываться? Если решил, что в его обязанности, обязанности брошенного мужа, не входит спасать попавшую

в беду жену?

Я-то его тогда тут же бросилась спасать. И он это знает, он об этом помнит.

Я бросилась, а он и тогда ничего не сделал, чтобы спасти меня. Принял как должное. Потом, конечно, благодарил, всячески восхвалял мою самоотверженность. Но по-моему, он больше гордился собой, чем мной: вот он какой бесценный субъект, ради него бросаются на амбразуру, ради него готовы на все. Потому я от него и ушла. А вовсе не из-за старости.

Тишина. Что же мне делать? Кромешная тишина, только часы стучат. Даже с улицы ни звука – в прошлом году мне поставили стеклопакеты на окна.

Это Валерий приходил, теперь я не сомневаюсь. Зашел, осторожно заглянул в комнату (на звонок его я не открыла, а дверь не заперта, значит, мало ли что?), увидел меня, увидел... Любу и поспешил уйти.

Но может, еще вернется?

Зеленая юбка, ужасное лицо, язык. Мы один на один проведем, вероятно, не один день. Если раньше я не задохнусь – нос дышит плохо, что-то там не в порядке, или я простудилась, бродя по дорожкам?

А если не задохнусь, сойду с ума. А если не сойду с ума (что маловероятно), останусь калекой – руки и ноги придется ампутировать. Очень хочется пить.

Неужели меня никто не спасет?

Мне вот что в голову пришло: эта девушка, Люба, – любовница Валерия. Наверное, она хотела выйти за него замуж, а он ей сказал, что мы не разведены и потому это невозможно. Может быть, она думала со мной договориться, а я стала на нее кричать. Вероятно, она его очень любила. Я ее понимаю – когда-то я и сама его очень любила. Несмотря ни на что.

Если она его любовница, это многое объясняет. Я в свое время на ее месте, возможно, тоже повесилась бы. Валерий – абсолютный эгоист, но во всем остальном он такой... Таких больше нет! Таких умных, таких интересных, таких талантливых людей, как он, больше нет на свете! Наши факультетские интеллектуалы по сравнению с ним просто недоумки. И так они гордятся своими мизерными знаниями, своими микроскопическими достижениями – смотреть противно. А Валерий... Он и во французской литературе разбирается лучше любого с нашего французского отделения. И несколько этим не гордится, хотя он даже и не гуманитарий. И французский язык знает не хуже, а кроме того, у него еще в запасе английский и шведский. Да что там языки или литература, он во всем такой. К тому же фигура и внешность. А тут такая некрасивая, непрезентабельная Люба. Наверное, он ее совсем не любит. Мне, например, она ужасно не понравилась. Да и кому такая может понравиться? Эта ее зеленая юбка, дурацкая блузка, неухоженные цыганские волосы. Она совершенно за собой не следит. Ну может ли такая понра-

виться Валерию? Ну может ли он на такой жениться? Да она его будет позорить одним своим видом. К тому же истеричка и полная дура. Тут даже не будь меня, он все равно бы не женился. Зря надеялась. Никаких шансов у нее не было.

Никаких шансов. Но она зачем-то поселилась в моей квартире. И паспорт, как объяснить паспорт?

Паспорт никак объяснить невозможно.

Никакая она не любовница Валерия, тут что-то другое. Что?

Как же у меня болит все тело! Зачем она так сильно стянула веревки? Может быть, рассчитывала, что и я умру? Долго, мучительно буду умирать от ужаса, жажды и недостатка кислорода в крови. Кисти рук моих уже посинели, почти как ее лицо. Во рту пересохло. Я собиралась выпить кофе перед тем, как... но так и не выпила. Без воды и еды человек может продержаться довольно долго. Если, конечно, он не связанный человек. Если, конечно, перед глазами его не болтается труп.

Впрочем, к трупу я понемногу начала привыкать. Я закрываю глаза – теперь я могу их закрыть – и вспоминаю, вспоминаю, вспоминаю всю свою жизнь. Может быть, сама моя жизнь содержит ответ: что же такое со мной сегодня произошло? Мне становится совершенно ясно: произошло со мной, а не с этой странной девушкой Любой, кем бы она ни была.

Я вспоминаю... Детство – раннее, позднее. Зеленый двор,

летний лагерь, слякотные тротуары, кусты у школы, занесенные снегом, ролики, санки, подружка Сима. В детстве моем никакого греха – обычное детство. Если бы это детство было не моим, я бы сказала: неинтересное, заурядное детство, даже нечего вспомнить. Разве что... Разве что пожар в школе. И чувство вины, которое до сих пор меня не оставляет. Пострадал пожарный, его увезли в больницу с тяжелыми ожогами. Я всегда считала, что произошло это из-за меня. Глупо было так считать, ужасно глупо. Школу я не поджигала. Я просто боялась опоздать. До звонка оставалось две минуты, а нужно было бежать еще целый квартал – успеть было невозможно. А первым уроком английский – опоздать нельзя, опоздание карается изгнанием из класса: длинные пустые коридоры, как катакомбы – школа большая и старая, построенная два века назад, – допрос уборщицы – вот сейчас доскользит ее тряпка, уткнется в мои ноги и начнется: опоздала? – и холодно от сквозняка, и некуда себя деть. Изгнание из класса как изгнание из племени, изгнание из рая. Я бежала и панически боялась опоздать, и понимала, что уже опоздала. И молила все силы, которые только существуют на свете, чтобы они вмешались, не допустили катастрофы, а я больше никогда, никогда... я буду вставать на полчаса раньше, я все, что угодно! А когда вбежала в школьный двор, увидела толпу – силы вмешались. Рассказывали, что произошло короткое замыкание в кабинете физики. Короткое замыкание – вот что они устроили, мои добрые силы. Мне стало так хоро-

шо, так легко, так весело! А потом я узнала про пожарного.

Совість опять заворочалась, заняла. Я открыла глаза, чтобы вырваться из воспоминаний, – и уткнулась в зеленую юбку. Боже мой, из-за чего я мучаюсь? Надуманная вина – вот теперь-то я действительно виновата.

Да в чем, в чем виновата? Я не знаю, кто эта девушка, нет моей вины в том, что она...

«Я хотела любить и думала, что ты меня тоже полюбишь. Как сестру» – так она говорила. А я на нее напустилась. Но почему, почему я должна была полюбить как сестру совершенно незнакому мне девушку, незвано-непрощено поселившуюся в моей квартире?

Полюбить как сестру. А я не полюбила...

Вины моей здесь не больше, чем в школьном пожаре. В том, что произошло со мной сегодня, вины моей тоже нет. Ведь не из-за того же она повесилась, что поняла: я не смогу, никогда не смогу полюбить ее как сестру. Глупость какая-то! А тут преступление. Преступление, которое кто-то совершил. Если, конечно, эта Люба не сумасшедшая.

Кто у нас там спец по части преступлений? Над ответом долго голову ломать не придется – мой муж, бывший муж, брошенный муж, с которым я, однако, официально не разведена. Прошлого его преступление носило чисто экономический характер: путем мошеннических действий он разорвал моего отца, теперь почти единовластно владеет фирмой. Но может, и в этом преступлении экономическая подопле-

ка? Может, он хочет заполучить оставшиеся акции?

Да, но при чем здесь эта девушка? Как ее самоубийство могло повлиять?... Может, он хочет меня шантажировать?

Может, и хочет, только невозможно заставить человека кончить жизнь самоубийством – ни подкупить, ни вынудить пожертвовать собой до такой степени.

Пожертвовать собой до любой степени можно, это я по себе знаю. Тут уж смотря что поставлено на кон.

Что это? Снова хлопнула дверь? Или мне показалось? Не показалось! Я слышу: кто-то в квартире. Валерий вернулся, все-таки вернулся? Вскрикнул кто-то. По-моему, это не он. Но все равно! Помощь пришла, господи, как же, оказывается, я измучилась, как испугалась. Сейчас, когда помощь, наконец, пришла, я это поняла. Страшно кружится голова, тело совершенно ослабело. Если бы я не была привязана к креслу, если бы могла встать, я, наверное, не удержалась бы на ногах. Но сейчас кошмар кончится.

Странные звуки... Спасать меня не торопятся. Но что это за звуки? Это не в комнате, это в прихожей. Рыдает кто-то. Но почему?... Надо меня спасать, а не рыдать. Рыдать – это потом, рыдать – это после.

Этот кошмар никогда не кончится – в квартире я снова одна.

Сумерки. Я больше не вижу, что юбка ее темно-зеленого цвета, и лицо ее не так отчетливо видно. Скоро совсем стемнеет и вообще ничего будет невозможно различить. Но наступления темноты теперь я боюсь больше всего. Я не переживу этой ночи, ночи наедине с мертвой девушкой. В чем бы ни состояла моя вина, как бы она ни была велика, я не заслужила такого наказания.

Темнеет стремительно. Ужас нарастает еще стремительнее. Я борюсь, изо всех сил борюсь с подступающим безумием. Сосредоточиваю взгляд на ее туфлях и пытаюсь определить расстояние между ними и полом – есть полметра или нет? И понимаю, что безумие уже подступило. Но бороться не прекращаю, придумываю новое занятие, новый способ сохранить свой ум в здравии: представляю, как выглядела бы эта девушка в сорок лет.

Безумие не подступило, безумие меня поглотило! В сорок лет умерла моя мать. Почему я представила именно этот возраст? Я сошла с ума, уже сошла, окончательно сошла: я ясно увидела, что сорокалетняя Люба похожа на нее.

Меня охватывает такой ужас, что я уже ничего не сообщаю, только бьюсь, бьюсь, бьюсь головой о спинку кресла. Если меня не спасут в ближайшие полчаса, я забью себя до смерти.

Истерика кончилась. Легче не стало, но, по крайней мере, я уже не бьюсь головой о кресло – принимаю ночь наедине с повесившейся как неизбежное зло. Никто не придет, меня не спасут, с этим нужно смириться.

Контуры ее тела уже почти не видны, скоро совсем растворятся во тьме. Можно представить, что нет там никакой Любы, что ночь – просто ночь, а тело мое затекло оттого, что сплю в неудобной позе, – такое бывает, когда едешь в экскурсионном автобусе долго и далеко, например, совершаешь тур по Европе. Представить можно, но не представляется, воображение в этом мирном направлении отказывается работать, мой запуганный мозг способен порождать только ужасы, еще ужаснее реальных.

Ночь наступила. Я пытаюсь себя убедить, что, значит, наступит и утро. Все, с кем я еще связана, знают, что я приеду завтра – может, кто-нибудь придет меня навестить. Нужно продержаться, всего несколько часов продержаться.

Я держусь. Закрываю глаза и держусь. Спокойной ночи, Люба, давай дождемся утра.

* * *

Это не сон! Я уже проснулась. Бессмысленно уговаривать себя, что это только страшный сон. Не сон, не сон. Пусть так не бывает, но это не сон. Труп взбесился, труп рвется с веревки – это действительно происходит. Где та грань ужаса, за

которой наступает отторжение разума? Веревка непрочная, веревка не выдержит. Что будет, когда не выдержит веревка?

Она дожидалась ночи. Она не человек, я так и думала! Этим все объясняется. Все, все, абсолютно все! Кромешная темнота...

Рвется, рвется. Тяжело дышит и рвется – нелегкая работа. Но веревка не выдержит, точно не выдержит.

Не выдержала, оборвалась. Мертвая спрыгнула на пол. Я не вижу ее, я ее не вижу! Видит ли она меня? Дышит тяжело, со всхлипами. Что она будет делать? Бросится на меня? Почему она меня не убила, тогда не убила, днем? Дышит и дышит, дыхание ее похоже на рыдание. Или она действительно плачет? Оплакивает свою рано прервавшуюся жизнь? Она отомстит, но я не виновата. Я не виновата, но как ей это объяснить? Я ее даже не вижу и рот забит тряпками – китайское покрывало.

Где она? Сидит на полу, отдыхает после трудной работы перед еще более трудной – убийством? Я и сама умру – задохнусь ужасом, я и сама умру. О чем она плачет?

Любить как сестру, убить как сестру. Какая темная ночь! Встала, пошла, тяжело ступает, с огромным усилием – трудно ходить на мертвых ногах, мертвое тело – неподъемная ноша. Ужас сейчас обрушится – смерть. Остановилась. У меня есть минута – еще минута жизни, передышка перед смертью. А может, и нет минуты, может, уже вот сейчас...

Пошла, понесла свою тяжкую ношу, мертвое тело. Все.

Зажмуриться. Не надо бояться...

Мимо прошла. Хочет напасть сзади, как днем? Почему она молчит, почему ничего не говорит? Идет и идет на непослушных ногах. Упала. И опять зарыдала. Ей жалко меня убивать? Скорей бы все кончилось!

Поползла, волоком перетаскивая свое тело. Нагнетает кошмар или в самом деле идти ногами ей трудно? Ползет и ползет, уползает все дальше – от меня дальше. Вот уже выползла в прихожую. Я не могу ее понять, я совсем не могу ее понять!

Дверь – входная дверь – хлопнула. Неужели ушла? Не может быть!

Ушла. Тишина, больше ни звука.

Да, ушла. Милосердная Люба.

Я в квартире одна. Только часы стучат, надрываются. Ужас отпускает, ужас уходит прочь. Я смеюсь, смеюсь, смеюсь, беззвучно смеюсь, ведь рот забит тряпками.

* * *

По моим расчетам было около двенадцати дня, когда позвонили в дверь. Никакой надежды на спасение этот звонок в меня не вселил – ну и что? Вчера тоже звонили. Не вдохновили меня и шаги в прихожей – шаги, что шаги? Вчера тоже входили в квартиру. Но сегодняшние шаги отличались от вчерашних – они не крались боязливо, они были полны

решимости, они хотели знать, что же такое происходит: не открывают, а между тем дверь не заперта. Вот дошли они до комнаты и замерли – неужели спасуют, как вчерашние? – но замерли они лишь на секунду.

– Алена! Боже мой!

Александра, мамина подруга, или, как я привыкла называть ее с детства, тетя Саша, бросилась ко мне.

– Да что же это такое?! Бедная ты моя!

На вскрики и причитания у нее не ушло много времени, тетя Саша быстро сообразила, что делать, сбегала на кухню, принесла нож и меня освободила. Руки так затекли и онемели, что совершенно отказывались подчиняться, я пыталась вытащить кляп изо рта, но ничего не получалось.

– Сейчас, сейчас я тебе помогу. – Тетя Саша ловко вытащила склизкий мерзкий комок.

Во рту было отвратительное ощущение распирающей пустоты, язык – чужой и деревянный.

– Ну, как ты? – Тетя Саша озабоченно смотрела на меня.

Я хотела ответить, но не смогла – сухой, тяжелый язык не шевелился. Она и тут сообразила, что делать, – умная, решительная тетя Саша: принесла воды, напоила меня и даже умудрилась не облить.

– Ну как, получше?

Я провела языком по нёбу – ничего, вроде немного размок, слушается, может, и говорить сможет.

– Получше. Спасибо. – Улыбнуться не получилось: мыш-

цы лица еще не пришли в норму, но в целом я действительно чувствовала себя лучше. Руки и ноги тоже потихоньку начали отходить, это причиняло боль, но я была рада, понимала, что раз болят, значит, не отсохли, будут действовать.

– Посиди пока. – Тетя Саша поцеловала меня и ласково-ласково погладила по голове, как, наверное, гладит перед сном свою дочку Машу (я вдруг испытала острый приступ зависти к Маше). – Пойду поставлю чайник, тебе сейчас хорошо выпить горячего сладкого чаю.

Ушла. Удивительная женщина! Любая другая на ее месте прежде всего учинила бы допрос, бросилась звонить в милицию, начала бестолково метаться по квартире и так замучила бы своей заботой, что я была бы, наверное, уже и не рада освобождению. А эта – «поставлю чайник»!

Все правильно, сначала мне нужно прийти в себя и обратиться с мыслями. Как ей объяснить, что со мной произошло? Как объяснить это самой себе? Себе, пожалуй, еще сложнее, чем ей, чем кому бы то ни было. С люстры свисает обрывок самодельной веревки. Все утро, с тех пор как проснулась (в конце концов мне удалось уснуть), я смотрела на него и восстанавливала события вчерашнего дня и сегодняшней ночи: он убеждал меня в том, что события действительно произошли наяву. Но объяснения им, этим событиям, я так и не смогла найти. Если отбросить мистику (а мистику я, безусловно, отбросила сразу, как только смогла трезво мыслить), объяснений и нет. Ясно мне только одно:

как и почему, не знаю, но в этом деле замешан мой муж – бывший муж. И это значит, обращаться в милицию нельзя. Он мне давно чужой человек, а с сегодняшней ночи стал чужим враждебным человеком, и даже по имени больше называть его не хочу, теперь для меня он будет только «он». Но все равно – сдавать милиции мужа, пусть даже бывшего мужа, мужа, превратившегося во врага, я не могу. Во всяком случае, сначала я должна сама с ним поговорить.

Что же тогда рассказать тете Саше? Наплести, что в квартиру ворвался грабитель? Как тогда объяснить свисающую с люстры веревку? Сейчас мне ее не снять, руки еще плохо работают, да, наверное, она ее и видела. Конечно, видела, не заметить ее трудно. Рассказать все как было, только не упоминать, что звонила «ему», а «он» не приехал ко мне на помощь?

Можно, только очень уж эта история дикая, трудно в нее поверить, лично я ни за что бы не поверила, решила бы, что у человека, который мне ее рассказал, не все в порядке с головой. Насчет своей головы я и сама сомневаюсь.

– Аленушка! – Тетя Саша вернулась, а я так и не решила, что стану ей рассказывать. – Чай готов. Принести сюда или сможешь сама дойти до кухни?

– Не знаю. – Я поднялась с кресла, держась за ручки, осторожно сделала шаг. – Попробую.

Дойти до кухни мне удалось вполне самостоятельно. Мы выпили чаю, я даже съела бутерброд. Бутерброд тетю Сашу

обрадовал, она поняла, что я окончательно пришла в себя и можно приступить к расспросам.

– Ты должна мне все рассказать. – Она подчеркнула слово «все», и по выражению ее лица я поняла, что она о чем-то догадывается. Знает что-то, чего я не знаю, или тоже подозревает моего мужа? Она его на дух не переносит, и уж кто-кто, а тетя Саша с большой радостью сдаст его милиции. Надо быть с ней осторожней.

Я ей рассказала «все», нарочно выставляя на первый план мистическую сторону, и так, будто сама этой мистической стороне верю, чтобы отвести подозрения от «него». Но кажется, не отвела. Тетя Саша слушала меня спокойно, без охов и ахов – моя история была просто призвана охи и ахи вызывать даже в самом уравновешенном человеке, – а когда я закончила, вытатила телефон и стала набирать номер.

– Не надо! – Я чуть ли не вырвала у нее из рук телефон. – Не звоните в милицию.

– Ты чего это? – Она строго, почти грозно на меня посмотрела. – С ума, что ли, сошла? Успокойся. – Она забрала у меня телефон. – Ни в какую милицию я звонить не собираюсь, я хотела позвонить Илье и только посоветоваться.

– Илье? Бородину? – Да это все равно что сразу набрать 02, даже хуже: Илья Бородин, знакомый тети Саши, – милицейский майор. – Не надо ему звонить. Пожалуйста, не надо.

– Да почему?

– Не надо, и все, я прошу вас.

– Ты что, не понимаешь, что этого так оставлять нельзя? То, что произошло, – очень серьезно, и я не уверена, что на этом все закончится.

– Я тоже не уверена, – очень тихо, почти про себя, сказала я, но тетя Саша услышала.

– Вот-вот! А ты говоришь, не надо звонить Илье.

– Не надо, я сначала должна сама разобраться.

– Ты разберешься! – Тетя Саша презрительно фыркнула. – Однажды уже пыталась разобраться, и к чему это привело?

– Это другой случай.

– Я так не думаю.

Ну конечно, она подозревает «его»! Хотя кого и подозревать после всего, что он сделал?

Она долго хмуро молчала, что-то обдумывала, потом сказала:

– Хорошо! Не хочешь вмешивать милицию, не надо. Возможно, по-своему ты права. Но оставлять этого дела так тоже нельзя. У меня есть другой вариант: давай обратимся к Андрею Никитину, частному детективу. Он в той ситуации тебе тоже помог...

– Ага! Помог! Он помог меня арестовать!

– Это не так! Не злись, пожалуйста, ты прекрасно знаешь, что это не так. И потом...

– Я не хочу обращаться ни к какому Никитину!

Вот уж к кому точно никогда бы не обратилась, так это к нему! Змей подколодный! Влез мне в душу, а потом...

Конечно, главную роль сыграл тогда Артур Генрихович, начальник службы безопасности папиной фирмы, но и этот Никитин хорош.

Впрочем, главную роль сыграла я сама. Если бы не бросилась спасать Валерия, если бы не сделала этого ужасного признания – лжепризнания, что маму... что несчастный случай подстроила... что я убийца собственной матери... никакой Генрихович и никакой Никитин не сделали бы того, что сделали. Ни при чем они здесь! Любой бы на их месте забросал меня камнями, любой бы на их месте предал бы мое имя анафеме, а они – всего лишь сдали милиции. И все-таки... Нет, к Никитину я точно не хочу обращаться!

– Послушай, Алена, что за капризы? Как маленькая, в самом деле! К Бородину не хочешь, к Никитину не хочешь. – Кажется, тетя Саша не на шутку рассердилась. – Что тогда ты предлагаешь?

– Я еще не знаю.

– Но надо же что-то делать!

Тетю Сашу всегда выводила из себя пассивность, деятельный она человек, моя тетя Саша. Только как мне теперь с ней быть? Зря, наверное, я ей все рассказала.

– Может быть, эта девушка Люба – обыкновенная сумасшедшая, – пошла я на попятный.

– Ну да! Или ты сумасшедшая.

– Или я, – согласилась я с ней. – Может, мне все это приснилось.

– Ага! Приехала домой, растерзала покрывало, от злости, что отдых не удался, хотела повеситься, да решила, что это все-таки перебор, привязала себя к креслу...

– Нет, но... Я и сама не знаю!

– А у меня есть кое-какие соображения. – Тетя Саша кивнула на окно, как будто виновник моих бед находился там, во дворе.

– Он ни в чем не виноват! – поспешно бросилась я на защиту: ясно, она имеет в виду моего мужа.

– А я разве что-то говорила о нем? – Она зло усмехнулась. – Что это ты так вскинулась?

– Какие тогда у вас соображения? Насчет кого?

– Не насчет кого, а насчет чего. Все, что ты мне рассказала... Пойми меня правильно, я тебе верю, то есть не думаю, что ты меня умышленно вводишь в заблуждение, но... Сама понимаешь, все это как-то... нереально, что ли...

– Но ведь было же!

– Было. Но, думаю, только отчасти.

– Что значит – отчасти?

– Некая девушка, Люба, или кто она на самом деле, действительно по какой-то причине (в причине-то все и дело, причина-то и есть преступление) жила в твоей квартире. Она не знала, что ты приедешь на день раньше срока (этого никто не знал), и потому была не готова к встрече с тобой – встреча, скорее всего, и не должна была состояться. Увидев тебя, растерялась – и потому поступила так, как поступила.

– Повесилась от растерянности?

– Нет. Привязала тебя к креслу и оглушила. А все остальное тебе... померещилось. Ты получила довольно значительную травму головы, у тебя там до сих пор шишка.

– Вы хотите сказать, что никто не вешался и ночью... ночью никто... не было того, что было ночью?

– Ну конечно! Да как же все это могло быть? Сама подумай!

Вполне логичное, здоровое объяснение. Если бы все это произошло не со мной, я, наверное, придумала бы такое же. Вот только... Я точно знаю, что это не было галлюцинациями или сном! Я помню свои ощущения – слишком ясные, слишком настоящие, реальные ощущения: живые ощущения смерти. И... И ведь есть доказательство!

– А веревка? Вережка, свисающая с люстры? Она до сих пор свисает! Как ее можно объяснить в таком случае?

– Вережка. – Тетя Саша дернулась, изменилась в лице и даже, мне показалось, немного побледнела. – Вережка! Ангел-хранитель тебя уберег и эту девушку тоже – от преступления. Страшно подумать, что могло бы произойти и чуть не произошло! Да-да, ты была на волосок от гибели. Видимо, она хотела тебя убить, но одумалась. Убить и имитировать самоубийство. Такое объяснение устраивает?

– Не знаю.

– Да что тут знать?! – Тетя Саша опять начала сердиться, но тут же себя одернула: – Прости. – Чуткая, добрая, только

излишне здравомыслящая женщина. – Сон разума... – Она улыбнулась и продолжила нараспев: – Порождает чудовищ. Но суть-то не в том. Налицо преступление, и, если оно пока не совершилось до конца, очень вероятно, что еще совершится. Тебе, Аленушка, нужна помощь. И не моя, от моей мало толку, тебе нужна помощь людей компетентных.

– Бородина и Никитина?

– Других-то ведь нет. – Она снова мне улыбнулась – ласково и чуть-чуть заискивающе. – А пускать это на самотек нельзя. Так что будем действовать.

Мне стало неприятно – тетя Саша стала мне неприятна, ее напористость, ее решительность. И улыбка ее неприятна. В голову закрались подлые мысли. Что, если она как-то связана с тем, что со мной произошло? Что, если... Невероятно. И все же...

Я встала, взяла с холодильника пачку сигарет, закурила – и даже форточку не удосужилась открыть – назло некурящей тете Саше: она стала меня до невозможности раздражать.

– Вы ко мне шли по какому-то делу? – сделала я вид, что перевожу разговор на другую тему – хотя мне просто нужно было узнать, случайно или нет она оказалась в моей квартире.

– По какому делу? – Тетя Саша насторожилась. Неужели я права, и она в самом деле связана с «ним», с моим мужем? Или мне показалось, что она насторожилась? – А, нет, никакого дела. Я тут рядом была, в центральной детской поли-

клинике, направления на Машкины анализы брала, решила зайти, навестить тебя, узнать, как отдохнула.

– Хорошо отдохнула. – Я пристально-пристально смотрела на нее, прямо в глаза, пыталась определить, врет или нет, и не могла понять. Я так на этом сосредоточилась, что случайно выпустила ей в лицо струю дыма – невольное хамство. Тетя Саша укоризненно кашлянула. – Простите. – Я замаха-ла рукой, чтобы развеять дым.

– Бросала бы ты курить, Аленка. Дурная привычка – и больше ничего.

Ну вот, сейчас начнет пропихивать прописные истины здорового образа жизни. Сама-то она, гимнастка в прошлом, спортинструктор в фитнес-клубе в настоящем, ясное дело, никогда не курила.

– О себе не беспокоись, подумай о здоровье своих будущих детей. Тебе же еще рожать и кормить.

Не знаю, не знаю, от кого могут завестись мои будущие дети. Не от «него», уж точно, а других кандидатов не предвидится.

– Я подумаю.

– Вот подумай, подумай! – Она засмеялась, легко засмеялась, естественно. Зря, наверное, я поспешила записать ее в злодеи, не похожа она на такую. И потом, мужа моего она всегда не переносила, с чего бы вдруг ей с ним сойтись? – Так кому будем звонить, Бородину или Никитину?

Вот ведь заклинило! Действительно обо мне беспокоит-

ся или все-таки в «деле»? Или обратный вариант: с «ним» она не связана, но что-то такое знает и хочет потопить его из личной неприязни?

– Никому не будем звонить! – отрезала я несколько грубо.

– Но как же?

– Сделаем так: если еще что-то произойдет, я вызову милицию.

Никакую милицию на самом деле я вызывать не собиралась, просто хотела отделаться от нее, сбить с дурацкой идеи звонить Бородину и Никитину – сначала я должна была во всем разобраться сама.

– Ну ладно, – с большой неохотой наконец согласилась она. – Только смотри, будь осторожна, и если что...

– Да, я знаю.

– И мне тоже сразу звони.

– Хорошо, обязательно. – Я была готова согласиться на что угодно, лишь бы отделаться от ненужной опеки.

Тетя Саша еще немного посидела и стала собираться.

– Значит, действуем, как договорились, – сказала она на прощание и заговорщически подмигнула. Это ее подмигивание мне почему-то ужасно не понравилось, и опять вернулись сомнения на ее счет. А еще я подумала, что Бородин и Никитин тоже вполне могут быть задействованы в преступлении, раз уж она так за них ухватилась.

Как только тетя Саша ушла, я бросилась звонить мужу. Мобильный не отвечал, домашний тоже. По рабочему отве-

тила секретарша. Она мне сказала, что Валерий Витальевич улетел по делам фирмы в Египет. Два дня назад.

* * *

Больше всего меня поразило, что улетел он именно в Египет – в этом было нечто безнадежно абсурдное. Египет, Египет – мурашки по коже, как, почему в Египет? Я, наверное, сошла с ума. Я вчера ему звонила около двенадцати дня, и он обещал приехать – часа через два. И приехал, вошел в квартиру – я слышала вскрик, – а тут говорят, Египет.

Хорошо, я готова согласиться с теорией тети Саши: вчерашние события имели место быть в реальности только наполовину, до того момента, как меня оглушили, все остальное – плод больного воображения. Но с Египтом я не согласна, категорически не согласна!

А может, я не так услышала, он улетел в какую-нибудь другую страну? Перезвонить, уточнить? Нет, нет, я ясно услышала: в Египет.

Как же мне теперь со всем этим быть? Как жить дальше? Теперь ни в чем нельзя быть уверенной. Ни в чем, ни в чем! Даже в самых простых, обыденных вещах. Возможно, если я сейчас выгляну в окно, там окажется вовсе не наш двор, а какой-нибудь горный ландшафт. А если в этот раз не окажется, все равно не исключено, что он возникнет завтра.

«Он» улетел в Египет. А «она» повесилась. Повесилась, а

потом сорвалась с веревки и ушла прочь. Ушла прочь, ушла в ночь. Скажите на милость, зачем в таком случае было вешаться? Вешаться на моих глазах? Умышленно на моих глазах? Сводить суть своей смерти к тому, чтобы это произошло именно на моих глазах?

Египет. Черно-желтый Египет. Страна зверобогов. Шеол. Как мог он уехать в Египет? Что ему там делать? Секретарша сказала, по делам фирмы. Бред какой-то! Фирма занимается продажей офисной мебели. Не мебель же он поехал туда продавать! И как быть с тем, что вчера в двенадцать?... Ни о каком Египте вчера речи не шло.

Я сидела на полу, держала телефон на коленях и никак не могла прийти в себя. Может быть, зря отказалась от услуг тети Саши?

К услугам ее не поздно прибегнуть никогда, услужливый она человек. Только что-то очень уж услужливый. Да притом с такими козырями в рукаве, как Бородин, милицейский майор, и частный сыщик Никитин.

Я сама постараюсь во всем разобраться, пусть даже в ванной моей вдруг обнаружится морской пляж, а на кухне гончарный цех. Я сама пройду по мосту своей абсурдной жизни – абсурдной старости, – может быть, выйду на другой берег, а может быть, и нет.

Я отставила телефон в сторону, поднялась, огляделась вокруг: с чего начать разбираться? С цветов, разбросанных по полу? Они уже успели подвянуть. Пять белых несвежих гвоз-

дик. Поставлю их снова в вазу.

С цветами в одной руке и вазой в другой я отправилась в ванную. Неплохо было бы и мне освежиться, но это потом, потом. Полотенце и халат все так же висят на вешалке – я теперь никогда не смогу ими воспользоваться. А может, наоборот, стану пользоваться только ими: сначала из протеста, а потом из любви к отвращению. Я себе старость придумала из любви к отвращению и жила в ней, и отвращалась до экстаза. Как знать, не выдумала ли я Любу, не подстроила ли все сама?

Мне больно. Египет застрял в голове: я все представляю, что еду в автобусе с плохо работающими кондиционерами в пустыню смотреть пирамиды. Впрочем, Египет тут ни при чем, мне просто больно.

Вышла из ванной, вернулась в комнату, поставила вазу на стол. Что дальше? Прибраться немного, Люба устроила страшный беспорядок. Снять веревку с люстры. Да, прежде всего веревку.

Я переставила вазу на подоконник – временно, – придвинула стол, забралась наверх – голова закружилась. Ну да, там все еще шишка. Постояла немного, привыкая, и приступила к работе. Хрусталики зазвенели жалобно, совсем как вчера. Узлы никак не развязывались, надо было сходить за ножом, да не хотелось спускаться.

Справилась, хоть и с большим трудом. Китайское покрытие пришло в полную негодность, любимое мое голубое по-

крывало. Вся жизнь моя пришла в негодность – не шить, не отгладить. Мой муж уехал в Египет продавать офисную мебель местным бедуинам. А Люба повесилась. На голубом покрывале.

Я спрыгнула вниз, вернула на место стол, вернула на место вазу. Кресло придвинула к стене, сняла с него обрывки веревок. Села передохнуть. На глаза мне попался белый пластмассовый предмет – он вчера выпал из Любиной головы, и я все гадала, что это такое. Сейчас мне ничто не мешает поднять его и рассмотреть. Только встать не хочется, и сегодня мне совсем не любопытно.

Я все-таки встала и подняла. Долго рассматривала, никак не могла понять, для чего он может быть предназначен. А когда, наконец, поняла, отбросила в ужасе. Слуховой аппарат, вот что это было такое. Слуховой аппарат, как искусственный глаз или протез руки, отдельно от человека вызывает ужас и отвращение. Калека не вызывает, а его причиндалы...

Оказывается, Люба была глухой. Некрасивая, неуравновешенная и глухая. Жизнь, наверное, у нее не задалась. Интересно, кто ее родители?

Преодолевая жуткую усталость, непонятно откуда вдруг взявшуюся, я прибрала в комнате и еще раз позвонила в офис. Не знаю, на что я надеялась, но надежды мои не оправдались – Египет остался в силе.

Что было потом, помню довольно смутно. Кажется, выпила чаю и покурила – уже при открытой форточке. А может,

никакого чая и не пила, покурила, дотащи́лась до разоренной кровати и легла спать. Во всяком случае, спать я точно легла и проспала до утра. До следующего утра.

* * *

Утро все изменило, я совершенно поправилась, ни боли, ни ужаса, ни отчаяния больше не испытывала. Наоборот, вдруг ощутила невероятную силу и решимость: нужно действовать, разыскать мужа, призвать его к ответу, а Египет – полная чушь. Скорее всего, муж сидит дома, а на телефонные звонки не отвечает. Туда прежде всего я и направлюсь. У меня есть ключ от его квартиры. Собственно, официально квартира эта и моя, я до сих пор там прописана. И охранник меня знает как жену Валерия, так что проникнуть туда не составит труда.

Я собралась, позавтракала, вызвала такси и минут через двадцать уже стояла у его дома.

В дверь звонить не стала, сразу открыла ключом – хотелось застать врасплох. Не знаю почему, но я была уверена, что он отсиживается дома: попросил секретаршу, чтобы ввела про Египет, и заперся в квартире. Вот сейчас войду и выведу его на чистую воду. Довольно безрассудно с моей стороны, честно говоря, мало ли как могли повернуться события?

Но его не оказалось. Я обошла всю квартиру. На кухне на столе стояли чашки с засохшей кофейной гущей – две (ин-

тересно!). В спальне была разбросана одежда, постель не заправлена – аккуратностью мой муж не отличался. В гостиной вообще кавардак. В кабинете я задержалась несколько дольше: включила компьютер, произвела обыск в его столе. Не знаю, что я рассчитывала найти? Фотографию Любы с подписью на обороте: «Дорогому, любимому Валерочке»? Копию договора, скрепленного личной печатью моего прохвоста, о зачислении на должность камикадзе Любви такой-то? Или запасной слуховой аппарат, забытый однажды утром в пылу поспешных сборов? Цели у меня определенной не было, просто, раз уж пришла, нужно было попытаться хоть что-нибудь выяснить. Но ничего компрометирующего найти не удалось. Не было также и фактов, подтверждающих, что он улетел в Египет. Или, наоборот, не улетел. Ничего не было. Тогда я решила прослушать автоответчик.

Да-а, если секретарша врала про Египет, то не только мне: в курсе его поездки, оказывается, были все, во всяком случае, те, кто звонил вчера и сегодня, а может, и позавчера – записей накопилось много. А если она не врала, и он действительно в Египте? Но почему он мне об этом не сказал, почему пообещал приехать? Что вообще происходит?

Я стала слушать записи с автоответчика, и тут... Сначала я подумала, что просто ослышалась, но нет, все так и было: следующий, последний звонок предназначался мне! Да-да, сообщение на автоответчике было оставлено для меня. Но как такое может быть? Все знакомые и оставшиеся в живых

родственники прекрасно знают, что я здесь не живу и что отношения с мужем у меня совершенно разладились, зачем же тогда звонить сюда? Впрочем, голос звонившей был совершенно незнакомый. Я снова прослушала запись. Да, совершенно незнакомый голос, я не знаю эту женщину. И то, что она говорит, – бред какой-то! «Алена, мне обязательно нужно с вами встретиться. Это по поводу письма. Буду ждать вас сегодня с двенадцати до шести в сквере напротив ресторана «Скорпион». Не понимаю, о чем она говорит: почему ей нужно со мной встретиться? По поводу какого письма? Никаких писем я не получала!

Я долго сидела в полной растерянности – никаких объяснений этому звонку у меня не было. Почему она позвонила сюда, а не на мой домашний или, что было бы логичней всего, мобильный? Какое письмо имела в виду?

Я снова прослушала запись, мне необходимо было понять, что все это может значить. Но понять не смогла. Судя по голосу, этой женщине лет сорок. Кто она такая? Главная неясность в этом сообщении – письмо. И главная цель назначаемой встречи – письмо. Скорее всего, письмо послала эта женщина. Незнакомая женщина лет сорока.

Незнакомая женщина – может, в этом-то все дело? Она не знает, что я не живу в квартире мужа, потому и позвонила сюда. И письмо, которое я не получила, наверное, отправила тоже сюда. Интересно, какое это письмо, электронное или обыкновенное?

Я вернулась к компьютеру, открыла электронку – нет, мне ничего. Снова, очень внимательно, просмотрела бумаги, хранящиеся в столе, – никаких следов загадочного послания. Может, и было что-то, да муж уничтожил. Интересно, о чем она мне писала? Узнала что-то о темных делишках Валерия и хотела меня предупредить? Наверняка это как-то связано с появлением Любы. Но возможно, никакого письма и не было, меня просто хотят заманить в ловушку таким хитрым способом. За мной следили, видели, что я направляюсь к дому мужа, позвонили – и теперь рассчитывают, что я поспешу сунуть голову в пекло. На встречу с этой женщиной ни в коем случае идти нельзя...

На встречу я пойду обязательно – как иначе хоть что-нибудь прояснить в этом деле? Просто буду предельно осторожна. Разговаривать стану только на улице при большом скоплении народа. Сквер напротив «Скорпиона» – место в этом смысле вполне подходящее. Там и останемся. Только как я ее узнаю?

Женщина лет сорока, слегка полноватая, довольно высокая, светлые волосы накручивает на ночь на бигуди, ходит в темном просторном пальто и туфлях спортивного фасона, косметикой пользуется умеренно, в основном пудрой и губной помадой, с мужем отношения прохладные, дочь учится на первом курсе техникума или пединститута, квартира у них типовая двухкомнатная, не нуждаются, но и никаких перспектив на лучшую жизнь. Возможно, она шантажистка.

Или шантажистка-перебежчица: что-то получила с Валерия и решила еще на мне подзаработать.

Глупости, глупости, дурацкие фантазии, скорее всего, она совсем не соответствует такой характеристике. Но как я ее узнаю?

Она сама меня узнает. Наверное, она меня видела.

Я посмотрела на часы – начало первого. Она меня уже ждет. До «Скорпиона» совсем недалеко, можно и пешком дойти, минут за пятнадцать неспешным шагом, так что не опоздаю. Впрочем, я и так не опоздаю: ждать она меня будет до шести. С двенадцати до шести – слишком большой интервал времени. Кто и зачем согласится торчать весь день в сквере, тем более на улице? Шантажист согласится. Преступник согласится. Человек в безвыходном положении согласится, если от этого будет зависеть разрешение его насущной проблемы. Из какой категории она, эта женщина?

Я вышла из квартиры, закрыла дверь. Вызвать такси или пойти на встречу пешком? Как безопасней? Если такси, придется довольно долго торчать у подъезда, на глазах у соседей, на глазах у охранника. Это не опасно, но неприятно. Зато водителя можно попросить подождать, и, если что-то пойдет не так, запрыгнуть в такси и уехать.

Если что-то пойдет не так, вряд ли я успею запрыгнуть. И вообще, ерунда это все, что мне может грозить среди бела дня на улице? Вряд ли это ловушка, к чему такие сложности? Хотели бы убить, убили бы и так. Пойду пешком, и все,

пешком мне удобней.

Я вышла из подъезда, пересекла двор, оглянулась – никто вроде за мной не двинулся следом. Чего я боюсь, все хорошо! Обычный весенний день, ясный, солнечный, люди ходят... Пристроюсь-ка вон к той бабушке для пущей безопасности. Да нет, не для безопасности – для своего спокойствия.

Сумка старомодная – с двумя ручками, на защелке. Похожая была когда-то у моей бабушки, давно уже не использовалась, но и не выбрасывалась, висела в кладовке на гвоздике. Я любила щелкать застежкой. Звук получался такой смешной, чмокающий. Эту сумку потом мне бабушка отдала, увидела, как я «чмокаю», и подумала, что мне нравится сумка. А она мне совсем не нравилась, и я не знала, что стану с ней делать, но пришлось притвориться, что я очень рада. Мне в детстве часто приходилось притворяться, строить из себя этакую маленькую восторженную дурочку.

С бабушкой получается очень медленно, так я и до двух часов не доберусь. И по-моему, я ее смущаю: она на меня уже несколько раз оглядывалась, то ли с осуждением, то ли с опасением – может, думает, я хочу у нее сумку из руки вырвать, старомодную сумку на защелке?

Доковыляли до проспекта. Бабушка ринулась на другую сторону – наверное, от меня так резко дернула, надо было раньше от нее отцепиться. Боится: жизнь полна опасностей и людей с недобрыми намерениями. Я вот тоже боюсь. Боюсь и начинаю всерьез сомневаться, правильно ли делаю, что иду

на эту сомнительную встречу.

Сомневаюсь, но все равно иду, никуда не сворачиваю, иду и иду. С каждым шагом сомневаюсь все больше, но иду и иду. Вот почти уже и дошла – ресторан «Скорпион»... Какая-то женщина идет мне навстречу, смотрит в упор. Ну да, лет сорока, в темном пальто, внешности вполне обыкновенной. Но мы же договорились в сквере! Да с чего я решила, что это она? Не отрываясь смотрит. Улыбнулась.

– Алена?

– Да, это вы?...

– Я знала, что вы придете!

Взяла меня под руку – мне это не очень понравилось, но я ничего не сказала: может, у нее просто манера такая, неприятная, но совершенно безопасная. Кажется, она мне обрадовалась, но тоже чего-то боится.

– Нам нужно поговорить, пойдете куда-нибудь.

– Можно в сквер, – поспешно предложила я. – Или...
Здесь при ресторане есть бар.

Главное – не садиться ни в какие машины!

– Не знаю, как лучше сделать. – Она растерянно посмотрела на меня, оглянулась. Боится, точно чего-то боится. Но значит ли это, что в таком случае мне ее опасаться не стоит?

– Давайте просто пойдём по улице. Разговаривать можно и на ходу.

– Да, да, да! Это самое разумное. – Она крепко сжала мою руку, я чуть-чуть отстранилась. – Вы ведь получили мое

письмо?

– Нет, никакого письма я не получала.

– Не получали?! – Она так удивилась и одновременно так расстроилась, что мне стало ее жалко. – Но как же... Прошло десять дней, вы должны были получить.

– Не получила. – Я не стала объяснять ей, что не живу в квартире мужа, я вообще решила не спешить с объяснениями со своей стороны, сначала хотела послушать, что она мне скажет.

– Но почему тогда вы пришли?

– Вы же звонили, оставили сообщение на автоответчике.

– Получается, вы не в курсе... Боже мой, но почему не дошло письмо?!

– Вы по почте его отправили или электронкой?

– По почте. Я узнала ваш адрес в горсправке...

– Вот как! – Мне стало не по себе. Выходит, она, эта женщина, которую я вижу впервые в жизни, знает все мои «выходные данные». – Трудно, наверное, было раздобыть обо мне столько сведений? – Я насмешливо на нее посмотрела.

– Ну... – Она замялась.

– Ладно, не важно, – смилостивилась я. – О чем вы хотели со мной поговорить?

– Вот, вот, – женщина ужасно обрадовалась, – не важно, совсем не важно! Вы это сейчас поймете и простите меня. Я ведь из добрых побуждений. То есть сначала... Сначала сделала глупость, непростительную глупость, мне очень нужны

были деньги, а потом поняла: да ведь это же преступление! И муж меня напугал, говорит: что же ты, дура, наделала? Вот я и стала исправлять. Узнала адрес, письмо написала. Жаль, что вы его не получили. Придется теперь все рассказывать сначала, а это так трудно!

Она вдруг вскрикнула и начала оседать, повисая на моей руке. Я не поняла, что произошло, по инерции прошла еще два шага, смутно раздражаясь на ее манеру ходить под руку и вот так вдруг повисать. Из-за этих-то моих двух шагов она упала не на спину, а ничком.

Как-то необыкновенно быстро вокруг нас собралась толпа, но я все не понимала, все пыталась ее поднять. И совсем выбилась из сил к тому моменту, когда приехала милиция. Меня оттеснили, куда-то повели. К милицейской машине – вот, оказывается, куда. Милицейскую машину мы уже проходили: это арест и старость. Сирена милицейской машины аккомпанирует признанию в убийстве. Нет, сначала следует признание – лжепризнание – и только потом... В любом случае милиция приезжает, когда происходит чья-то смерть – убийство или несчастный случай. Получается, эту женщину убили? Или опять это только несчастный случай? Не надо спешить делать признания, не надо спешить... Но вот меня уже сажают в машину, на меня смотрят таким же взглядом, как тогда Никитин. Я не виновата! Понимаете, я ни в чем не виновата. Я не убивала свою мать, я не причастна к смерти этой незнакомой мне женщины. Я...

Кто-то весь в белом – врач? – протиснулся к машине, открыл дверцу, оказался рядом со мной.

– Ей нужна помощь?

– Нам нужна! – грубо, раскатисто засмеялись рядом. – Приведите ее в чувство, и поскорее, нам нужно снять с нее показания, по горячим следам.

– Вы бы хоть не так откровенно... – интеллигентно-несмело возмутился врач.

– Что поделаешь, работа такая!

Мне дали таблетку и какую-то неизвестную успокоительную гадость в стаканчике. Врач ушел, машина поехала – сначала медленно, огибая толпу, а потом на нормальной скорости. Меня ни о чем не спрашивали, и я не решалась задать вопрос, что случилось с женщиной. А впрочем, это и так понятно, раз машина, – значит, смерть: убийство или несчастный случай, но при любом раскладе признают виновной меня.

Ехали мы не долго. Я думала, привезут в КПЗ, оказалось – в обычное отделение милиции. Может быть, она жива? Жива, несмотря ни на что? Под руку меня провели коридором – под руку! Не хватало только, чтобы опять... все повторилось. Голова закружилась. У меня там шишка и, возможно, сотрясение... Да, дело в этом. Или гадость в стаканчике оказалась слишком крепкой, в глазах все плывет... Я повисаю на чьей-то руке, я оседаю... Все повторяется, только мы поменялись местами: я оседаю, несчастный случай со мной.

– Сядьте.

К скамейке подвели и усадили, очень вовремя, иначе я бы упала... Ничком, если бы он не сразу понял, что происходит. Где-то внутри стало щекотно от смеха – все повторяется, – но я не могу рассмеяться. Мой проводник – или страж? – зачем-то достал из папки лист бумаги и теперь машет им у меня перед лицом.

– Ну как, вам получше?

Ах вот оно что, он меня в чувство приводит при помощи листка бумаги. Белая, писчая, формат А4, на ней минут через пять-десять – в зависимости от моего состояния – он начнет составлять протокол об убийстве или заставит меня писать чистосердечное признание. Ну что ж, это мы тоже уже проходили.

Засмеяться наконец получилось – и стало легче: я смогла вытолкнуть внутреннюю щекотку. Подошли еще двое. Смотрят на меня как на главное препятствие для своего счастья.

– Пройдемте в кабинет, – сказал один из вновь прибывших. – Алексеев, помогите девушке.

Алексеевым оказался тот, с грубым смехом, который меня сюда доставил. От его помощи я отказалась, самостоятельно встала, самостоятельно пошла. В кабинет мы вошли втроем.

И тут на меня опять накатило: в голове заплескались волны, ноги подкосились, и я рухнула на заботливо подставленный стул. Стул меня растрогал (я не видела, кто его подставил, но была очень благодарна этому человеку) и обрадовал:

если позаботились, чтобы я не грохнулась на пол, значит, еще не исключили из общества. Впрочем, все впереди. Меня обвинят в убийстве этой женщины, можно не сомневаться. А ведь я даже не знаю, кто она такая, как ее зовут.

Смешно, тетя Саша вчера так настаивала, чтобы я обратилась в милицию – и вот я здесь. Только теперь не в качестве жертвы, а в качестве...

«Свидетель»! Нет, я не ослышалась – это слово действительно прозвучало. Неужели оно относилось ко мне? Ну да, в кабинете, кроме Алексеева и того, второго, подошедшего в коридоре, нет никого. Значит, ко мне. Но это совершенно меняет дело! Свидетель! Свидетелем я буду – с большим удовольствием, свидетелем – сколько угодно. Господи, неужели – свидетель?

– Имя, фамилия, отчество, – суровым голосом, чтобы несколько остудить мою радость, начал второй, не Алексеев. Кстати, почему он не представился? Это совершенно не по форме, он обязан был прежде всего назвать свое имя, а потом уже требовать мое.

– Озерская Алена Юлиановна, – произнесла я, тоже суровым голосом.

Я вдруг ужасно разозлилась – и на этого безымянного мента, и на молчаливого Алексеева, и на убитую женщину, из-за которой влипла в новую историю, и на себя, за то, что пошла на эту сомнительную встречу.

– А чего вы так нервничаете? – Он улыбнулся подлой

улыбкой – ему нравилась ситуация, ему доставляло удовольствие меня мучить. – В сегодняшнем происшествии вы пока проходите как свидетель. – Он сделал акцент на слове «пока» и опять улыбнулся. – Конечно, заставляет задуматься то, что за полгода вы умудрились второй раз оказаться в нашем поле зрения...

– Послушайте, вы меня в чем-то обвиняете?

– Обвиняют в суде, а мое дело подозревать. Но пока – я повторяю, пока! – вы проходите как свидетель. Итак, Озерская Алена Юлиановна, скажите, вы хорошо знали Евгению Валентиновну Аристову?

– Я не знаю такой.

– Ну как же? Вы были с ней, когда она погибла.

– А, я не знала ее, совсем не знала. Она... – Я совершенно не подготовилась к вопросам и не представляла, что стану отвечать. Не рассказывать же им историю с Любой да и все остальное, с нею связанное? – Эта женщина подошла ко мне на улице, хотела узнать, как пройти на Прянишникова, я стала объяснять, и тут... Я даже не сразу поняла, что произошло. – Вот это действительно было правдой. Да я и сейчас не до конца понимаю. – Она погибла? Я имею в виду, она мертва?

– Да, мертва. – Он покивал – выражал сочувствие? Если так, то кому – ей или мне? – Хорошо, что у нее с собой был паспорт, мы смогли сразу установить личность. Аристова Евгения Валентиновна, сорок лет, проживает в городе Светло-

горске...

– В Светлогорске?

– В Светлогорске. А что?

– Я там родилась и... – Ну кто меня тянул за язык? Теперь ведь точно не отстанет – я сама дала ему новую пищу для подозрений.

– И? – Он весь подался вперед, так заинтересовался.

– Там живет моя бабушка, – пришлось мне признаться, недосказанное «и» превращалось иначе в факт, который требует сокрытия, – преступный факт.

– Часто видите?

– С бабушкой? Нет, не часто. Это имеет какое-то отношение к... тому, что произошло?

– Как знать! Когда вы в последний раз были в Светлогорске?

– Не помню. Давно.

– Светлогорск – маленький город. – Он насмешливо посмотрел на меня. – Очень маленький город. Наверное, все жители знают друг друга в лицо. Аристова прожила там всю жизнь.

– Но я-то из Светлогорска уехала в раннем детстве.

– Ага! Вы понимаете, куда я клоню. Очень хорошо!

– Понимаю. Только еще раз повторяю: эту женщину я не знаю, никак с ней не связана, к ее смерти не причастна. Она просто подошла ко мне на улице... Как могла подойти к любому прохожему.

– Вы слышали выстрел? – внезапно перевел он разговор – наверное, в этой внезапности содержалась какая-то уловка.

Я задумалась, но не потому, что хотела понять, в чем состоит его хитрость и на чем он собирается меня подловить, просто действительно не помнила, слышала выстрел или нет.

Мы шли по улице, она держала меня под руку и рассказывала о том, что узнала мой адрес в горсправке, чтобы послать письмо, и тут вдруг стала оседать. Я не поняла, что происходит. А потом пыталась ее поднять, но так и не поняла... Нет, не слышала я никакого выстрела, иначе бы поняла. Хотя откуда мне знать, как звучит выстрел? Я никогда в реальной жизни не слышала выстрелов, только в кино, а это совсем другое дело. Наверное, он должен быть похож на новогоднюю петарду. Или на лопнувшую шину. Или на выхлоп газа в машине. Может, что-то такое было, да я не обратила внимания.

Нет, я слышала выстрелы в реальной жизни, просто забыла, потому что это было давно. Во дворе моего детства был тир – старый, ржавый, бесколесный автобус – оттуда постоянно доносились выстрелы. Я помню звук...

– Так что, вы слышали выстрел?

– Нет. Кажется, нет. – Звука из тира действительно не было.

– Странно. – Он немного помолчал, разглядывая меня с большим подозрением. – Ну ладно, рассказывайте, что слышали и видели. – Он покрутил ручку, готовясь записывать

мои наблюдения. Их не очень-то много было, зря он так обнадежился.

– Эта женщина подошла ко мне на улице, спросила, как пройти на Прянишникова. – Я понимала, что повторяюсь, но ничего другого все равно рассказать не могла. – Я стала объяснять, и тут она упала.

– Что вы делали на улице?

– Я? Ничего.

– Шли по какому-нибудь делу?

– Да нет, просто шла. Гуляла.

– Вы работаете, учитесь?

– В данный момент нет, в академическом отпуске, по состоянию здоровья.

Это было не совсем так: академ я не оформляла, просто перестала ходить в университет, и все, но ему объяснять это было не обязательно.

– А что со здоровьем не так? На вид вы вполне цветущая девушка.

Он мне комплимент хотел сделать, кретин, или продолжает издеваться? Во всяком случае, я решила не отвечать, неопределенно пожала плечами.

– Ладно, к делу это не относится. Что еще вы можете рассказать по существу?

– Больше ничего.

– Хорошо подумайте. Может быть, вспомните что-нибудь важное.

Я сделала вид, что думаю, даже глаза прикрыла.

– Нет, ничего.

– В таком случае, – он тяжело вздохнул, – больше вас не задерживаю. Но у меня к вам просьба: не отлучайтесь пока никуда из города, можете нам понадобится.

– Хотите взять подписку о невыезде?

– Нет, какая подписка? Просто личная просьба как к сознательной гражданке.

Как же, так я ему и поверила! Как к сознательной гражданке! Его бы воля, он тут же бы меня и арестовал, да только даже для подписки о невыезде у него нет оснований.

– До свидания, – сказала я сухо, а получилось враждебно.

– До свидания, – сказал он мне откровенно враждебно.

Я вышла из кабинета. Алексеев почему-то двинулся за мной.

– Я провожу, а то на проходной у вас могут возникнуть проблемы, вы ведь без пропуска.

Ему я тоже не поверила. Хочет проследить за мной, вот и все. Думает, наверное, во дворе их дурацкой милиции меня поджидают сообщники, вооруженные до зубов огнестрельным оружием.

Впрочем, проводил он меня действительно только до проходной.

На улице мне опять стало дурно: замутило, закружилась голова. Наверное, у меня сотрясение мозга, а не просто шишка. Хотя, когда утром выходила из дому, ничего подобно-

го не было. Скорее всего, все еще действует эта неизвестная успокоительная гадость. Чем это, интересно, меня опоили?

Я подошла к обочине дороги, остановила такси и поехала домой. Детективная деятельность оказалась мне совершенно не по зубам. Детективная деятельность привела к смерти незнакомой мне женщины – я ведь понимала, что так или иначе погибла она из-за меня. Ну и все, ну и хватит, больше никаким расследованием заниматься не стану, закроюсь в квартире и буду тихо-тихо сидеть, сживаясь со своей старостью. Что произошло, то произошло, какая разница почему? Прошлое исправить я все равно не могу, а предотвратить новые беды возможно только одним способом: ни во что больше не вмешиваться.

Приехав домой, я решила прежде всего избавиться от следов пребывания в моей квартире Любы. Выбросила в ведро цветы, торт в коробке, слуховой аппарат, паспорт с ее фотографией и моими данными. Думала сразу же вынести мусор, но мне вдруг ужасно не захотелось выходить из квартиры и вообще стало так паскудно на душе, что хоть в голос вой. Я вернула ведро на место, включила дивидишник и поставила формановского «Амадея». Этот фильм был не только любимым, он вдохновлял меня жить дальше, хоть, если разобраться, ничего вдохновляющего в этом смысле в нем нет, скорее наоборот. Во всяком случае, я всегда его ставила, когда чувствовала: дошла до точки и без подпитки не продержаться.

Отзвучала *Lakrmosa*, яму засыпали толстым слоем извести, сумасшедшего Сальери провезли мимо убитого его рассказом священника – и тут в дверь зазвонили. Я не хотела открывать, оставались последние кадры, мне во что бы то ни стало нужно было их досмотреть. И я не открыла. А в дверь все звонили, звонили.

Фильм кончился. В дверь грохнули кулаком – раз, другой, третий – железным кулаком. Нет, это дверь у меня железная, а кулак, вероятно, простой, человеческий. Ну кому я могла понадобиться до такой степени? Соседи вызовут милицию, если этот грохот продлится еще немного. Может, пусть вызывают?

Милиция мне ни к чему. Особенно сегодня.

Я подошла к двери, заглянула в глазок. На площадке стоял мой отец. За эти полгода после смерти мамы он не пришел ко мне ни разу. Что могло его привести сегодня? В дверь снова грохнули кулаком. Он никогда так себя не вел. Мне стало страшно до дурноты, но дверь я открыла.

– Папа?!

Отец шагнул в квартиру, выглядел он просто ужасно, особенно глаза – совсем сумасшедшие, дикие какие-то глаза. Мне показалось, что сейчас он меня ударит, и я отпрянула в сторону. Он действительно поднял руку, сжал в кулак, но,

рубанув ею воздух, опустил.

– Ты убила ее! – Отец всхлипнул, закрыл лицо руками и вдруг – о господи! – стал оседать. Этого я уже выдержать не могла. Я бросилась его поднимать.

– Папа! Что с тобой, папа?

Он оттолкнул меня, посмотрел злобно, с ненавистью, но, слава богу, оседать на пол перестал, выпрямился, снова рубанул воздух рукой, сжатой в кулак.

– Ты убила ее! – громко, отчаянно прокричал он. – Я хочу знать, как ты ее убила.

– Кого? – Я смотрела на него с ужасом, а он на меня все так же, с ненавистью.

– Ты знаешь кого.

Выстрел из тира, которого я не слышала, улица, милицейская машина, тошная гадость в стакане – меня замутило, и шишка на затылке запульсировала болью, и душа запульсировала болью. Я не убивала ее. Но почему, почему он знает уже про эту женщину, кто она такая, почему ее смерть так его беспокоит?

– Я тебе объясню.

– Почему ты ее убила, я знаю, мне интересно знать – как?

– На улице было много народу, – начала я по возможности спокойно – мне хотелось его убедить, что я ни при чем. – Ко мне подошла незнакомая женщина, спросила, как проехать на Прянишникова...

– Что ты несешь?! Она не могла подойти к тебе на улице.

Ты убила ее и теперь врешь! Узнала – не представляю уж как, – заманила и убила.

– Я никого не убивала, папа!

– Папа? Я тебе не папа! Ты мне всю жизнь сломала, а теперь убила ее, мою девочку.

– Твою девочку? – Вот оно что! Значит, эта Аристова была его любовницей. Не долго же он скорбел по маме! Он вдруг мне стал до невозможности противен, просто отвратителен, так, что, кажется, сейчас я действительно способна была на убийство. – Пошел вон! – Я распахнула дверь и бросилась на него, выталкивая из квартиры.

– Ах ты дрянь! – Он все-таки меня ударил, я вскрикнула и отскочила в сторону. – Дрянь, тварь, гадина! Она – это все, что у меня было, а ты ее убила! Но знай, я добьюсь обвинения!

Он выскочил из квартиры, шибанув напоследок дверью. Я по стенке опустилась на пол – осела – с горячей щекой, с исковерканной душой. Что мне оставалось делать? Только умереть.

На полу в прихожей я просидела долго – не хотелось никуда перемещаться, даже шевелиться не хотелось. А потом замерзла и все же встала. А потом зазвонил телефон. Я поплелась в комнату, смутно надеясь, что отец одумался, снял с меня страшное обвинение и теперь звонит, чтобы попросить прощения. Но это оказался не он, а какая-то незнакомая женщина со скорбным голосом. Она мне не представилась

– Наверное, от горя забыла о приличиях, – она приглашала меня на похороны. Завтра, в двенадцать часов. Она так ласково со мной разговаривала, все время называла доченькой, что приглашение на похороны не показалось чем-то страшным, наоборот, захотелось туда пойти, чтобы быть рядом с этой доброй женщиной, поддержать ее в горе и, может быть, рассказать о своем. Женщина плакала, душа моя тоже плакала. Мне было неудобно спросить, кто умер, я только адрес узнала и записала в блокнот. Скорее всего, это кто-то из моих давно забытых друзей.

Я положила трубку и разрыдалась – бурно, сладко, с наслаждением. Моей тоске нужен был выход – выход нашелся: похороны. Но опять зазвонил телефон. Отец? Или эта добрая скорбящая женщина? Это оказалась тетя Саша.

– Аленушка, здравствуй, – заговорила она нарочито жизнерадостно. – Как ты там?

– Все хорошо. – Мне неприятна была ее жизнерадостность, ее навязчивая забота. – Вы не беспокойтесь.

– Новых гостей не было?

Вот ведь дура какая!

– Не было.

– Я завтра к тебе заеду.

– Завтра? Во сколько?

– Часиков в одиннадцать-двенадцать.

– В это время меня не будет, я уезжаю, – сказала я сухо.

– Куда это ты собралась? – Тетя Саша наигранно засмея-

лась, делая вид, что не замечает моего тона.

– По делу. – Про похороны мне не захотелось ей рассказывать.

– Жаль. Мы с Машкой идем в поликлинику, а заодно и тебя думали навестить.

Машка. Это единственный человек, которому я еще могу обрадоваться. Невероятно обаятельный ребенок. Только очень больная. Полгода назад ей сделали тяжелейшую операцию на сердце, теперь ей гораздо лучше, но все равно. Мы с ней иногда перезваниваемся – с Машкой можно разговаривать совершенно как со взрослой, хоть ей только недавно исполнилось двенадцать. Да она гораздо умнее любого взрослого. И интересней. Нет, Машке я была бы очень рада, даже тети-Сашину заботу как-нибудь ради нее перетерпела бы, да только я действительно завтра не могу.

– Мне тоже жаль. Машку давно не видела, соскучилась по ней, вы не представляете!

– Так сама к нам заезжай, как освободишься. Маша тоже по тебе скучает, вы ведь такие подружки!

– Может быть, и заеду. – Я это искренне сказала, честное слово, ужасно захотелось увидеться с Машкой. Да не может быть, точно заеду. Прямо с похорон. И привезу ей какой-нибудь подарок. Компьютерную игру или еще что. Нет, я куплю ей диск с фильмом «Амадей», ей должен понравиться.

– Хорошо, будем ждать. А что у тебя за дело, если не секрет? Ты там самостоятельное следствие, случаем, не затева-

ешь?

– Не затеваю.

– Что-то мне за тебя тревожно. – Тетя Саша вздохнула. – Может, ты действительно...

– Да нет, это другое. Меня попросили... У нас скоро встреча выпускников, – выкрутилась я. – Идет подготовка.

Мне казалось, что вранье мое звучит вполне правдоподобно, но тетю Сашу оно не убедило. По-моему, она мне совсем не поверила, насторожилась и еще минут десять изводила просьбами ни во что не влезать. Я клятвенно заверила ее, что ни во что влезать не собираюсь, и при этом совсем не покривила душой: с расследованиями действительно было покончено.

* * *

Где находится улица Февральская, куда меня пригласили на похороны, я не знала. Как оказалось, не знал и таксист. Он долго с озадаченным видом рассматривал карту города, качал головой, прищелкивал пальцами и наконец вынес вердикт:

– Такой улицы нет.

– Не может быть. – Я не хотела так быстро сдаваться. – Вы посмотрите получше.

– Да что вы мне голову морочите? – обозлился водитель. – Я не первый год езжу, город знаю, как свою квартиру. Нет у

нас никакой Февральской.

Наверное, разумнее всего было поверить таксисту, заплатить ему за беспокойство и несостоявшийся вызов, вернуться домой. Очевидно, меня кто-то разыграл: нет никаких похорон, как нет и улицы Февральской. Да в самом деле, разве существуют улицы с таким названием? Улицы называют в честь кого-то или в честь чего-то, а что такого исторически важного произошло в феврале? Ну конечно, это просто глупый розыгрыш.

– Такая улица должна быть, – из какого-то непонятого мне самой упрямства сказала я. – Вот, у меня записано четко и ясно: Февральская, тридцать семь. – Я протянула водителю блокнот, где вчера записала адрес. – Просто тридцать семь, без квартиры, значит, это частный сектор.

– Тогда ищите сами. – Он перебрал мне карту. – Только поскорее.

Поскорее не получилось: в картах и схемах я разбираюсь плохо, с детства не переносила географию. И все же мне удалось ее отыскать, улицу Февральскую, правда, находилась она в такой дали, что я засомневалась, согласится ли туда поехать водитель.

К счастью, водитель согласился, хоть и без особого энтузиазма, и мы наконец сдвинулись с места. Времени уже полдвенадцатого, на похороны опаздывать неудобно, успеем ли? Надо было выйти из дому пораньше, но кто знал, что с этой Февральской возникнут такие проблемы?

Всю дорогу я пыталась сосредоточиться на предстоящем мероприятии, настроение у меня сегодня было почему-то совсем не похоронное, не то что вчера. Не понимаю, зачем я поехала? Я ведь даже не знаю, кто умер.

Женщина, которая звонила вчера, говорила: «Приходи проститься с моей девочкой». «Моя девочка» меня покорибила, потому что именно так назвал отец убитую Аристову – свою скороспелую до неприличия любовь – буквально за час до этого. Скорее всего, эта «девочка» – моя ровесница, потому что женщина – ее мать – говорила мне «доченька», так трогательно говорила. Меня сто лет не называли доченькой, а отец... Потому-то я и решила поехать.

Но кто это может быть? Моя одноклассница? Однокурсница? Когда-то у меня было много друзей. Но я так давно ни с кем не виделась. В чем-то это хорошо: я отвыкла от них, разлюбила, ничья смерть теперь не вызовет жестокой боли – боли я боюсь, болью я и так наполнена до основания. Я не хочу новой боли!

И все-таки кто же это?

Я стала перебирать всех своих бывших подруг. Вика Сливко? Она вполне могла разбиться на мотоцикле. В детстве мы с ней жили в одном дворе, в том самом, где тир, и активно дружили до восьмого класса, пока у нее не появилась эта дурацкая страсть – мотогонки. Она гоняла по двору на своем мотоцикле, без шлема, и ужасно вдруг загордилась. К десятому классу интересы наши разошлись окончательно.

Вику мне было бы жалко меньше всех. Да, лучше бы Вика. Или Оляка Самойлова. С ней мы всю школу просидели за одной партой, и все думали, что между нами смерть какая дружба, но только это была одна видимость: друг другу мы не очень-то жаловали. Оляка с год назад вышла замуж, могла умереть во время родов, такое ведь иногда случается. Только бы это не...

Нет, я хоть и давно от всех отошла, но не всех разлюбила. Сима. С ней мы поссорились, разругались в пух и прах, но... Мне всегда ее не хватало, я ужасно скучала по ней, мы ведь дружили лет с трех. Только бы не она! Мне будет больно, очень больно! Только бы не она.

А ведь это вполне вероятно, что именно Сима. У нее что-то было не так с легкими, кажется, даже чуть ли не туберкулез. Я ее столько лет не видела! Боже мой, это точно она!

Нет, нет, это Вика. Симу вылечили – туберкулез не такая болезнь, чтобы в наше время человек в двадцать лет умер. Если есть средства... Средств у Карташовых нет, всегда они жили бедно... Ну вот, они потому и на Февральскую, забытую богом улицу, переехали, чтобы средства добыть: поменяли свою квартиру с доплатой. И вылечили Симу.

Если они переехали на Февральскую... Если я еду на Февральскую к Симе... Боль моя будет страшной – на Февральской ведь похороны.

Это не Сима, не Сима! Это кто-нибудь из моих одноклассников. Или Вика. Не надо себя накручивать раньше

времени – может, все еще обойдется.

Я посмотрела в окно – мы въехали уже в частный сектор, – потом на часы – без пяти двенадцать: успеем. Грязные, узкие переулки, какие-то кособокие дома, черные, нищие. А вот и Февральская! Пожалуй, самая худшая улица в этом худшем из районов. Наверное, зимой, в холода, здесь особенно жутко.

Автобус устаревшей конструкции – ПАЗ, траурная ленточка развеивается на ветру, грузовик с открытым кузовом – дом тридцать семь. Но я не опоздала, не опоздала – грузовик пустой, и народу не видно. Кто же все-таки умер?

Я расплатилась с водителем и вышла из машины. У деревянного забора на каком-то обрубке вроде пенька сидел мужчина в черном костюме и плакал навзрыд. Лицо он закрыл руками – я не смогла понять, кто он такой. Муж Ольки? Брат Вики? Кто-нибудь из моих одноклассников? Или кто-то совсем незнакомый? У Симы нет брата, а как сложилась ее личная жизнь, я не знаю.

Я не стала к нему подходить, открыла калитку и шагнула через порог.

Двор был большой, но неуютный и мрачный. По правую сторону шли какие-то помещения вроде сараев – оттуда доносились страшные звуки: что-то живое, насильно запертое, билось, вздыхало, пытело и постанывало. Возле сараев громоздилась куча потемневших опилок – неопрятная куча. Посередине двора стояла будка, но собаки я не увидела. У

крыльца толпился народ – странные люди, из какого-то другого, чужого мне мира: толстые, коротенькие женщины, все, как одна, до уродливости грудастые, неказистые низкорослые мужчины в костюмах и почему-то в резиновых сапогах. Все они были пожилые, ни одного моего ровесника.

Мне стало ясно: попала я сюда по ошибке, никто из моих знакомых ни жить, ни умереть в этом доме не мог. Надо уходить, пока эти люди не обратили на меня внимания.

Я стала медленно отходить к калитке, следя за толпой у крыльца, но налетела на какое-то ведро – раздался жуткий грохот. Толпа всколыхнулась, развернулась и в упор уставилась на меня. Конечно, теперь уйти было невозможно. Я двинулась к дому, независимой походкой вошла на крыльцо, делая вид, что меня нисколько не смущают эти брейгелевские уродцы, открыла дверь и оказалась в темных бревенчатых сенях. Пахло пылью и еще чем-то неприятным. Светлым пятном выделялась прислоненная к стене крышка гроба. Я нащупала ручку двери в жилое помещение, потянула на себя, вошла – назад пути все равно не было.

Большая, залитая светом комната была набита народом. Все они суетливо и как-то неуверенно передвигались, занятые непонятной мне деятельностью. Только группа музыкантов в потрепанных черных костюмах с инструментами на изготовку спокойно стояла у окна в скорбном ожидании. Мимо меня двое мужчин пронесли ковер, свернутый в трубку, я посторонилась, давая им дорогу. Женщина в углу что-то

делала с венком, другая женщина, совсем старуха, растягивала в руках белое полотно.

Я не сразу увидела гроб. Он стоял в дальнем конце комнаты на трех деревянных стульях, составленных вместе, – белый гроб, густо закрытый тюлем. В изголовье гроба на табуретке сидела, ссутулившись, женщина. Лицо она закрыла руками и была чем-то неуловимо похожа на того плачущего мужчину, сидящего на деревянном обручке у ворот. Очевидно, мать умершей, очевидно, та, которая звонила мне вчера. Меня она не видела, а я не могла, сколько ни силилась, рассмотреть лицо лежащей в гробу. Надо подойти поближе.

В комнате возникло какое-то новое шевеление, даже музыканты сдвинулись с места. Женщина у гроба вздрогнула, отняла от лица руки, сонным затуманенным взглядом огляделась вокруг. Взгляд ее остановился на мне и тут же прояснился, словно с него сорвали пелену. Она поднялась, улыбнулась, шагнула ко мне – я тоже сделала шаг ей навстречу.

– Доченька моя пришла! – воскликнула она в каком-то непонятном умилении, зарыдала и бросилась ко мне. Я не знала, что делать. Женщина, которую я видела первый раз в жизни, обнимала меня и крепко-крепко прижимала к груди. Мне было душно и жутко, а главное, я ничего не понимала. – Доченька, доченька, – причитала она сквозь рыдания, а я почувствовала, что сейчас упаду в обморок.

К гробу затеснились люди. Они что-то говорили – я не слышала что, наверное, пора было начинать похороны. Жен-

щина все плакала и обнимала меня, не обращая на них внимания.

– Горе, горе какое! – заголосил кто-то сзади старушечьим голосом. – Девочка наша! Любушка наша! Что ж ты с собой наделала?

Любушка? Господи! Быть не может!

Я вырвалась из объятий женщины, бросилась к гробу, отдернула тюль. Черные жесткие волосы... Это была она! На посиневшее лицо наведен грубый румянец, губы ярко накрашены, глаза сильно подведены черным – в этой страшной размалеванной кукле узнать Любу было трудно, но это была она.

– Не надо, доченька, не тревожь ты ее, закрой. – Любина мать ласково, но настойчиво оттеснила меня от гроба и прикрыла дочь тюлем. – Как уж тебя Любушка любила! Как любила! Вот и не пережила...

Я в ужасе смотрела на нее. Я сошла с ума! Она сошла с ума! Весь мир сошел с ума!

– Да ведь я не виню тебя, что ты! – Женщина ласково погладила меня по руке. – Да ты и вправду не виновата, просто Любушка моя такая впечатлительная была и тебя любила больше жизни. Она столько намечтала себе... Мы обе намечтали. Как будем все друг друга любить, праздники отмечать вместе. Нам ничего и не нужно было, только это. А ты думала, она на твое место метит? Нет, доченька, нет. Все осталось бы по-прежнему, любви мы хотели, а больше ниче-

го. Любушка, видно, не смогла тебе все хорошо объяснить, вот и вышло... Но я... – Женщина притянула меня к себе сильной рукой, зашептала на ухо: – Я милиции сказала, что она это дома. Поверили, так что не бойся, тебя не тронут. Я как пришла тогда, увидела, сразу все поняла: это она как в той статье из газеты сделала, в точности так. Вы, наверное, поссорились? А Любушка вспыльчивая – Любушка у меня больная. Расстроилась и наложила на себя руки.

– А вы разве... Вы приходили тогда? Вы видели?

– Приходила. Меня Люба позвала, по телефону позвонила, сказала: мама, приезжай скорее. Ну, я и поехала. Но разве я тогда знала, что она такое сделает? Я думала, праздник. Мы с ней так решили: ты с отдыха вернешься, и устроим праздник. А вот как все вышло. Любушка, Любушка, грешница моя великая! – Женщина снова заплакала.

– Зоя, родненькая, пора выносить. – Старуха, которая растягивала полотно, подошла к Любиной матери, обняла ее за плечи. – Пойдем, надо, проводим нашу Любушку.

– Да, да, пойдем, доченька. – Она взяла меня под руку и повела, почти волоком, к выходу. У двери я оглянулась: четверо мужчин поднимали гроб.

Мы вышли из комнаты, миновали сени, спустились с крыльца. В сарае завыло плененное животное. Мы дошли до ворот, все так же под руку. Вдруг створки разошлись в стороны, открылась улица. Возле автобуса толпился народ, музыканты подняли инструменты, собираясь заиграть по первому

взмаху невидимой палочки невидимого дирижера. Взмахнул, заиграли, протяжно, тоскливо, фальшиво – дьявольский оркестр, собранный из чертей-неудачников, алкоголиков, не ставших виртуозами. Мы шли к машине – грузовику, кузов которого теперь был застелен пестрым старым ковром, обременен многочисленными венками из ядовито-ярких бумажных цветов, увенчан могильным крестом, – шли медленно и торжественно, сбиваясь на марш под музыку.

– Мы с тобой поедem в машине, возле Любушки, доченька.

Мы остановились возле грузовика, дожидаясь, когда внесут гроб. А оркестр все играл. Люди не садились в автобус. На деревянном обрубке у забора больше никто не сидел, не плакал. Он, этот мужчина, наверное, тоже поедет в машине возле Любы, как мы, ее самые близкие родственники.

Вот показались носильщики, гроб поплыл, чуть покачиваясь, в вышине. Зарыдала какая-то женщина – не Любина мать. К ней присоединилась другая, потом третья... Оркестр на секунду сделал паузу и грянул с новой силой, заглушая рыдания.

– Я не хотела заказывать оркестр, – зашептала мне на ухо Любина мать. – Любушка у нас ведь глухая была, музыку не слушала и не любила. Сестра настояла. Говорит, не по-людски без оркестра.

Гроб водрузили в кузов грузовика, помогли подняться нам с Любиной матерью. Мы сели прямо на пол, на ковер. Мужчины, который плакал, нигде не было видно. Машина

медленно тронулась и поехала. Прямоком в ад.

– Здесь недалеко, – всхлипнув, сказала Любина мать, – мы живем почти рядом с кладбищем.

* * *

Кладбище было под стать Февральской улице – нищие могилы, большей частью неухоженные, без оград, никаких асфальтированных дорожек, сплошь земля и черная прошлогодняя трава. Оно совершенно не походило на то кладбище, где похоронена моя мама.

Машина доехала только до ворот, дальше гроб понесли на руках. Народ высыпал из автобуса, образовал стройную колонну, и мы двинулись под заунывные звуки оркестра.

А впрочем, я не могу поручиться за реальность того, что сейчас происходит. Возможно, таксист прав: Февральской улицы нет в нашем городе. И это значит... Возможно, права тетя Саша: Люба имела место быть только отчасти. Возможно, права была я: теперь ни за что нельзя поручиться, даже в самых простых вещах – выгляни в окно, и там окажется вовсе не то, чего ожидаешь. Возможно, я так и сделала: выглянула в окно и увидела кладбище, и нашу похоронную процессию, и этот оркестр. Белый гроб плывет над головами – ладья мертвой девственницы. Под ногами жирная черная грязь. Вот почему они все в сапогах. Разъезжаются ноги. Любина мать держит меня под руку крепко и ласкает

сочувствием – в горе поддерживает, будто это мое горе, не ее. И плачет, и уговаривает:

– Поплачь, поплачь, доченька. Ей будет приятно, а тебе станет легче.

Я не хочу ее обманывать, а не обманывать не могу, ведь все, что сейчас происходит, – сплошной обман. Слишком черные кресты, слишком проржавевшие памятники, слишком неухоженные могилы, слишком фальшивит оркестр, слишком гротескно уродливы присутствующие – все здесь «слишком» для того, чтобы быть настоящим. И белый гроб. И много цветов, аляповато-искусственных. И эта женщина, Любина мать, утешающая меня, вместо того чтобы проклинать.

– Ты поплачь, ну поплачь, Аленушка, доченька, – снова просит она, уже почти требует. Почему она так настойчиво зовет меня «доченька»? Меня давно никто так не называл. Меня никогда никто так не называл. – Нельзя не плакать. Ты Любушку обидела, а она-то тебя так любила.

Музыка смолкла. Кто-то из толпы зарыдал-запричитал, выкликнул что-то обрядное. Может быть, они наняли плакальщицу? Где тот мужчина, который плакал у забора?

Дошли до разрытой могилы. Гроб поставили прямо на землю – белый гроб повенчанной со смертью невесты – прямо в жирную грязь.

Я чувствую холод, руки замерзли. Это оттого, что слишком долго сижу у раскрытого окна. Я думала, горный ланд-

шафт, а оказались похороны.

Толпа столпилась у гроба, но мы с матерью Любы в первом ряду. Отдернули покрывало – тюлевую накидку, страшная мертвая кукла, раскрашенная, как привокзальная проститутка, издевается надо мной. Сейчас начнут говорить речи – во всяком случае, так полагается: на похоронах у мамы было много речей.

Заплакали, запричитали все разом – речей, очевидно, не будет. Я жестокая, я черствая! Пора закрывать окно.

– Попрощайся, доченька, с Любушкой. Поцелуй ее, нашу бедную девочку.

Я не могу заплакать. Надо сделать хоть что-то, как-то утешить, обласкать ее. И я нагибаюсь, прикасаюсь губами к страшному мертвому лбу – но мне не страшно: я закрою окно, и все кончится. Жесткие на вид волосы оказались на ощупь совсем не жесткими. Холодный лоб согревается от моего дыхания – я не могу оторвать губ, все целую, целую, целую.

– Доченька! Любушка! Аленушка! Доченьки мои милые, девочки любимые! – Ее тяжелое тело накрывает меня сверху, я не удерживаю равновесия и валюсь на мертвую Любу.

– На кого ты нас оставила? Зачем ушла? – причитает старуха сзади. Плакальщица затягивает свою арию. Толпа напирает, напирает, воздуха совсем не остается. Ее лоб пахнет тлением. Пора закрывать окно!

Я вырываюсь, разбрасываю в стороны навалившиеся тела,

расталкиваю толпу и бегу прочь, прочь. Там, сзади, что-то происходит, но я не оборачиваюсь, я бегу, бегу. Я не знаю, как выбраться с кладбища, но, наверное, если долго бежать, не оглядываясь, выход найдется сам.

А вот и ворота. Машина, автобус. Там, дальше, дорога. На Февральскую улицу.

Лес и поле. До домов далеко. Это кладбище не принадлежит городу. Это кладбище – видение, фантастическое кладбище. Вырваться из плена видений – и все встанет на свои места. Бежать по дороге к домам.

Бежала я долго. Мимо пронеслись машины. Мне почему-то не пришло в голову остановить попутку. Наконец добралась до поселка. Но тут началось самое сложное – я запуталась в переулках и окончательно заблудилась. Мне показалось, что начало смеркаться. Но это просто солнце зашло за тучу. Пошел дождь. Я почувствовала, что смертельно устала. Сесть бы где-нибудь, передохнуть. Но в округе не было ни одной скамейки, только черные дома и заборы. Это не наш город. Как же отсюда выбраться?

Переулки, заборы, черные бревенчатые дома внезапно кончились – я вышла на обычную улицу. Невдалеке виднелся навес автобусной остановки. Слава богу, кошмар кончился.

На остановке стояли люди – обычные люди, такие, какие ходят по улицам и ездят в автобусах. Я присоединилась к ним – влилась в толпу живых. Они разговаривали, курили,

улыбались, хмурились, шумно вздыхали, сплевывали в сторону. Как спокойно, как хорошо! Подъехал автобус, часть из них зашла, часть осталась. Я тоже осталась, потому что номер оказался совсем не подходящим. И вообще на автобусе мне ехать расхотелось – здесь, в живом мире, наверное, не проблема поймать такси.

У меня в кармане зазвонил телефон. Зазвони он немного раньше, там, в переулках, я, наверное, и отвечать бы не стала, восприняла бы его как нечто несуществующее. А теперь я спокойно извлекла телефон из кармана, нажала на связь.

– Алена?

Вот так так! Валерий! Кажется, жизнь окончательно возвращается в нормальную колею.

– Привет, Валера! Ты уже вернулся из Египта? – Я засмеялась, мне мой вопрос показался остроумным, потому что, конечно, ни в каком Египте он не был.

– Вернулся, – хмуро буркнул Валерий – моей шутки он не оценил. – Тут вот какое дело: нам нужно срочно встретиться. Это касается тебя. Ты можешь сейчас приехать?

– Могу-то могу. А что за срочность? – продолжила я играть в беззаботность.

– Тогда приезжай. Только я не дома. Я в квартире Кручевского.

– Кручевского? Это еще кто такой?

– Ты разве не знаешь? Адвокат, один из самых известных в нашем городе.

– Впервые слышу! И что, мне ехать к этому Кручевскому? Что за дичь?!

– Тебе понадобится адвокат, Алена, – значительно произнес муж, и мне стало отчего-то не по себе. – Мы сейчас как раз разговариваем по твоему делу. Обязательно приезжай.

– Ну... хорошо. Только я не понимаю.

– Записывай адрес.

Он продиктовал мне адрес и повесил трубку, не слушая никаких возражений. Как по заказу, сразу же к остановке подъехало такси.

* * *

Адвокат. Зачем адвокат? Адвокат требуется человеку, который совершил преступление. Но я ничего такого не совершала. Или мое преступление – это Люба? Я не виновата в ее смерти, совсем не виновата. Так и мать ее считает. Люба сама убила себя и тоже меня не винила, раз ушла, убралась во свояси, к себе на улицу Февральскую. Впрочем, с этим много неясностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.